держаніе его книги (*). Разныя и уже намъ извѣстныя стороны назначеннаго ему поприща, даютъ достаточное основаніе къ тому, чтобы, для удобности обозрѣнія, разложить и раздѣлить содержаніе Даніиловой книги такимъ образомъ. Сначала разсмотримъ изображенныя въ книгѣ дѣла и откровенія Божіи, имѣвшія отношеніе не только къ Израилю, но и къ самымъ язычникамъ. Потомъ, вникнемъ въ смыслъ откровеній, данныхъ собственно по обстоятельствамъ и затрудненіямъ избраннаго народа,—при чемъ увидимъ и указанія въ книгѣ, на отношеніе міра духовнаго къ земнороднымъ, и нѣкоторое предначатіе воззрѣній на предметы, предъявляющихъ въ себѣ уже духовную отчетливость Ново-Завѣтной вѣры.

—

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ ПР. ДАНІИЛА.

1. Дѣла и откровенія Божіи, простирающіяся чрезъ Израиля и на язычниковъ.

Дѣла и откровенія Божіи, имѣвшія отношеніе и къ языкамъ, можно слѣдить по порядку ихъ въ са-

(*) Надобно замѣтить, что только первыя 12 главъ, и то съ исключеніемъ пѣсни отроковъ, составляютъ каноническую кни-

мой книгѣ. (Ибо это не только внѣшній хронологическій, но и внутренно-послѣдовательный порядокъ какъ увидимъ). Основная мысль и цѣль этихъ Божественныхъ дѣлъ и откровеній, есть, соотвѣтственно требованію времени, проявленіе и предъ языками всесодержащей державы, истиннаго Бога и грядущаго вѣчнаго царства благодати. Держава Всевышняго, съ своими намѣреніями и опредѣленіями объ открытіи въ будущемъ своей благодати, сначала собственно просвѣщаетъ духовное недоумѣніе и невѣдѣніе язычниковъ (I—III глав.); далѣе, противящихъ изъ нихъ смиряетъ, и кающихся спасаетъ, прославляемая ими (IV гл.); наконецъ, упорныхъ низлагаетъ, а благосознательными исповѣдуется достопокланяемою для всего міра, —вѣчною, всемощною и спасающею (V—VI. глав.).

Уже то самое, что воспитываемые при дворѣ Навуходоносора отроки Іудейскіе и первый изъ нихъ Даніилъ не прикасались къ роскошамъ отъ царской трапезы и, питаясь одними сѣменами съ водою, отличались болѣе цвѣтущимъ видомъ и здоровьемъ, нежели ихъ товарищи, и потомъ въ познаніяхъ оказались предъ самимъ царемъ далеко превзошедшими Вавилонскихъ мудрецовъ (см. 1 гл.), — уже это одно должно было обратить на нихъ ува-

---

гу св. Пророка Даніила, одну изъ книгъ слова Божія, а все остальное относится къ неканонической части Св. писанія, или къ духовно-воспитательнымъ опытамъ самой вѣры вразумляться въ словѣ Божіемъ. Мы въ своемъ очеркѣ будемъ слѣдить собственно каноническую книгу Даніила

жительное вниманіе язычниковъ, давая примѣтить осѣненіе ихъ Вышнею силою. Это тѣмъ болѣе, что въ Даніилѣ, уже при воспитаніи его, проявлялись начатки небесной премудрости,—разумѣнія таинъ (1, 17). Но все это еще было не болѣе, какъ приготовленіе и предварительная мѣра дѣла Божія для языковъ.

Для произведенія самаго своего дѣла, Всевышній (если выразиться человѣкообразно) останавливаетъ пренебесный свой взоръ на самомъ царѣ Вавилонскомъ (котораго можно назвать главою вообще современнаго политическаго міра), и на него возлагаетъ свою десницу. Почему это?—для уразумѣнія сего нужно имѣть понятіе объ этомъ властелинѣ народовъ. Навуходоносоръ, несомнѣнно, представляетъ въ себѣ великую духовную природу. Необыкновенно сильный и открытый характеръ, соединенный съ умомъ проницательнымъ и глубокомысленнымъ,—вотъ его личныя особенности, когда вникнемъ въ его поступки. Если деспотъ Востока незналъ предѣловъ своего произвола, то такую чрезмѣрность внѣшняго величія и власти Навуходоносоръ достаточно наполнялъ внутреннею силою и величіемъ своей природы. Для доказательства довольно указать на тотъ случай, при которомъ открылась вся непомѣрность Восточнаго доспотизма и гордости въ Навуходоносорѣ. Это—случай, соприкосновенный къ разсматриваемому нами Божію дѣлу. За неумѣнье напомнить царю забытый имъ ночной сонъ, изрекается отъ него приговоръ казни всѣхъ мудрецовъ,—цѣлой высшей касты государ-

ства. Почему же такъ? Не по одному произволу горделиваго деспота мудрецы выдавали себя и всѣми были признаваемы за вѣдателей всѣхъ таинъ, за разрѣшителей всѣхъ узловъ, и отсюда происходило великое ихъ государственное значеніе, великія права. Навуходоносоръ срываетъ съ нихъ маску, не затрудняясь ея вѣковою неприкосновенностію и даже священнымъ характеромъ, и безпощадно казнитъ ихъ, какъ уличенныхъ государственныхъ обманщиковъ: «я знаю точно, точно (такъ самъ онъ изъясняетъ причину своего приговора).... Вы выдумываете сказать мнѣ что нибудь ложное... Разскажите, (т. е. напомните) мнѣ сонъ, и я буду увѣренъ, что вы и смыслъ его объяснить можете.» Не правдали, что это страшный деспотъ, но съ необыкновенною царственною проницательностію и энергіею? И какъ просто онъ поставляетъ на видъ фальшивость мнимыхъ выдателей таинъ! Не въ состояніи узнать, какой онъ видѣлъ сонъ, какъ они могли бы узнать тайну смысла этого сна, тайну Высшей мысли, выраженной въ снѣ?! Съ такимъ величіемъ духовной своей природы Навуходоносоръ не по внѣшнему только значенію, но и внутренно былъ истинный представитель и вождь современнаго языческаго міра и своего вѣка. А потому естественно онъ первый долженъ былъ испытать тѣ духовныя недоумѣнія и встрѣтиться съ тѣми вопросами, къ какимъ вела язычниковъ современность. Онъ же, какъ сейчасъ мы видѣли, уже угадывалъ призрачность пресловутой, доселѣ удовлетворявшей

міръ своими обольщеніями, мудрости язычества (*). Дѣйствительно, имъ овладѣвали,—его даже въ ночномъ успокоеніи преслѣдовали вопросы и недоумѣнія о мірѣ и его судьбахъ: *помышленія твоя на ложи твоемъ взыдоша, чесому подобаетъ быти по сихъ*,—*взыдоша*, т. е. приходили сами собой, какъ бы невольно, какъ обыкновенно возникаютъ неотступныя глубокія или сильно озабоченныя думы. Въ такомъ-то его состояніи, когда онъ мыслилъ, можно сказать за весь языческій міръ о судьбахъ міра, и слѣд. въ самомъ духѣ былъ представителемъ и главою язычниковъ,—Всевышній и благоволилъ ему, а въ лицѣ его и вообще языкамъ, явить свою державу и свои тайны. Это было такимъ образомъ.

Навуходоносоръ, среди своихъ размышленій, заснулъ, и когда чрезъ это душа его отрѣшилась отъ всѣхъ развлекающихъ ее внѣшнихъ впечатлѣній, Господь отверзаетъ ея внутреннія очи къ созерцанію того, о чемъ онъ недоумѣвалъ. Онъ видитъ огромное тѣло, которое «стояло предъ нимъ въ чрезвычайномъ свѣтѣ и котораго видъ былъ страшный» (Подлинныя слова книги.). На тѣлѣ этомъ голова изъ чистаго золота, грудь и руки серебряныя, чрево и бедра мѣдны, голени желѣзныя, ноги частію желѣзныя, частію глиняныя, и вотъ не человѣческими рука-

(*) Здѣсь разумѣется мудрость собственно восточнаго язычества. Впрочемъ мудрость эллинскаго язычества, на сколько она была язычески-религіозная, заимствовалась съ востока же; а на сколько она была самостоятельна, она уже подрывала язычество.

ми, а самъ собою отторгся отъ горы камень, ударилъ въ желѣзныя и глиняныя ноги и разбилъ «все чудовищное тѣло и самъ *бысть гора велика и наполни всю землю* (ст. 35). Такъ, соотвѣтственно Вавилонскому образу представленія, *возвѣсти Богъ великій царю*, а въ лицѣ его всему языческому міру, *имже подобаетъ быти по сихъ* (ст. 45), разрѣшая прямо глубокіе, занимающіе и затрудняющіе его, вопросы.—Но это Божественное просвѣщеніе языческаго духовнаго недоумѣнія и невѣдѣнія не могло достигнуть своей цѣли безъ удостовѣренія язычника въ своей Божественности и безъ точнаго раскрытія своего смысла. И Господь продолжаетъ свое дѣло надъ царемъ Вавилонскимъ.

Навуходоносоръ, потрясенный чрезвычайнымъ видѣніемъ до глубины души, проснулся; но только невольный трепетъ предъ Божественнымъ осѣненіемъ продолжался въ его духѣ, а сонъ вышелъ изъ сознанія. Царь чувствовалъ, что духовная пища, которой такъ алкала его душа, была уже въ его устахъ. Неудовлетворенный, а только раздраженный духовный глядъ теперь тѣмъ болѣе томилъ его и приводилъ въ страшное нетерпѣніе. Откровеніе, какъ молнія, освѣтило заблудшаго язычника, недоумѣвающаго о томъ, куда ему идти, и сейчасъ же, какъ молнія, сокрылось: и затѣмъ, какъ естественно бываетъ, только темнѣе стало въ глазахъ его. Языческая мудрость, поэтому случаю, сдѣлала только то, что не могла скрыть своей ничтожности и своихъ лживыхъ притязаній. Мудрецы вавилонскіе, хвалившіеся вѣдѣніемъ таинъ, не мог-

ли угадать забытаго Навуходоносоромъ сна; а изъ этого самаго Навуходоносоръ заключилъ, что они только обманываютъ, когда вообще берутся толковать недовѣдомыя тайны. Грозно осудивъ несостоятельныхъ предъ истиною мудрецовъ, а въ лицѣ ихъ и самую мудрость язычества, царь чрезъ это только рѣшительно бросилъ въ грязь единственный, хотя и мнимый, свѣточь, какой дотолѣ еще былъ въ рукахъ его среди мрака. Въ такомъ-то тягостномъ его состоянiи, продолжавшемся притомъ нѣкоторое время, — истинно Ангеломъ Божiимъ является къ нему Данiилъ. Испросивъ у Бога откровеніе тайны молитвою, при соучастiи въ молитвенномъ подвигѣ и друзей его — трехъ товарищей по плѣну и воспитанiю, — Данiилъ, отъ имени Небеснаго Бога, пересказываетъ царю, предшествовавшее сну, духовное его состоянiе и оживляетъ въ его сознанiи самый сонъ, имъ забытый. И вотъ удостовѣреніе для Навуходоносора, что какъ самый чрезвычайный сонъ его, такъ и настоящiй вѣстникъ и истолкователь сна — истинно отъ Бога, — сердцевѣдца, открывающаго тайны! «По выслушанiи сего, говоритъ св. Ипполитъ о рѣчи Данiила, Навуходоносоръ припомнилъ свой сонъ и призналъ, что и сказанное отъ Данiила истинно» (*). Удостовѣреніе во всей точности согласно съ требованiемъ Навуходоносора, которое онъ высказалъ еще волхвамъ: «разскажите мнѣ сонъ, и тогда вашему толкованiю сна повѣрю».

(*) Maij. in. Dan. p. 35.

Когда же глубокая душа царя Вавилонскаго, при посредствѣ Даніила, уже была открыта для усвоенія себѣ Небеснаго озаренія, къ нему простертаго, тогда Пророкъ раскрываетъ ему и значеніе ночнаго его видѣнія.

Для точнѣйшаго уразумѣнія этого пророческаго истолкованія, нужно напередъ опредѣлить, во первыхъ, истинную точку зрѣнія, съ какой должно смотрѣть на предметы въ пророчественномъ сновидѣніи и въ его истолкованіи, и, во вторыхъ, самый образъ представленія предметовъ въ пророчествѣ.—И такъ, во первыхъ, *политическую* ли (понимая это слово въ употребительномъ у насъ поверхностномъ или *внѣшне-мірскомъ значеніи*) судьбу міра изображаетъ это пророчество, или что другое? Но мы уже въ самыхъ размышленіяхъ Навуходоносора о томъ, *чесому подобаетъ быти по сихъ*, нашли собственно не мірское мудрованіе, не внѣшне-политическое соображеніе, но духовное недоумѣніе о судьбѣ собственной и міра. Вникая же съ самое пророчество, не можемъ не примѣчать, что и въ сновидѣніи и въ истолкованіи его главное и существенное, что имѣется въ виду или поставляется на видъ, есть таинственный *камень* или царство Божественное и вѣчное (2 гл. 44 и 45 ст). Всевышній указуетъ земнороднымъ собственно на то, какъ откроется этотъ таинственный *камень*, это небесное царство на землѣ, въ которомъ исполняется все назначеніе человѣка и міра. Слѣдовательно, что говорится въ этомъ пророчествѣ о царствахъ собственно земныхъ или царствахъ міра сего, все это говорится по отношенію къ Божественному *царству не отъ міра сего*, а отнюдь не по внѣшне-политическому значенію и

внѣшней важности самыхъ тѣхъ земныхъ царствъ. Въ какомъ же отношеніи эти послѣднія царства поставлены въ пророчествѣ къ царству Божественному? Не въ отношеніи ли только времени (—т. е. въ томъ отношеніи, сколько царствъ должно еще пройти до явленія царства Божественнаго)? Это такъ; но не совсѣмъ довольно одного этого. По символическому видѣнію, камень сокрушаетъ всѣ составы видѣннаго тѣла; по пророческому истолкованію видѣнія, царство Божественное разрушаетъ земныя царства. Слѣд. эти послѣднія (т. е. царства мірскія, представленныя въ видѣніи) берутся во вниманіе, на сколько они несовмѣстны съ царствомъ Божественнымъ и отрѣваются отъ него, или, что тоже, на сколько чужды и враждебны ему и низлагаются отъ него (*). И такъ въ пророчествѣ открывается собственно то, послѣ сколькихъ царствъ, именно неблагопріятныхъ царству Божественному и силою его низлагаемыхъ, — откроется наконецъ это Божественное царство, сущее не отъ міра сего.—Это соображеніе, основанное на самомъ существѣ соображаемаго предмета, т. е. разсматриваемаго пророчества, подтверждается еще и прочими пророчествами Даніиловой книги: ибо увидимъ, что въ этихъ послѣднихъ пророчествахъ земныя царства берутся во вниманіе также собственно въ отношеніи къ царству Божественному, и въ томъ самомъ отношеніи къ нему, какое здѣсь нами показано. И такъ раскрыта и опредѣлена настоящая точка зрѣнія пророческаго.

(*) Напротивъ, все лучшее въ этихъ царствахъ, все свѣтящееся въ ихъ тьмѣ лучами добра и истины — принадлежитъ уже области таинственнаго камня, области благодатнаго царства Божія, какое имѣло открыться во Христѣ.

Что касается, во вторыхъ, до образа пророческаго представленія предметовъ, — замѣчательно въ сновидѣніи то, что громадное символическое тѣло во всѣхъ своихъ составахъ предстáвляется разрушеннымъ вдругъ ударомъ таинственнаго камня, или даже напередъ разбиваются ноги скудельно-желѣзныя и вслѣдствіе уже того разрушается все тѣло: *удари въ ноздъ желѣзны и скудельны, истни ихъ до конца. Тогда сотрошася вкупѣ скудель, желѣзо, мѣдь, сребро и злато* (ст. 34 и 35). Равно и въ пророческомъ истолкованіи видѣнія указываются одно за другимъ разныя царства, и потомъ дѣлается общее, касательно всѣхъ ихъ, замѣчаніе: *во дни царей тѣхъ возставитъ Богъ небесный царство, еже... истнитъ и развѣетъ вся царства сіи*, какъ дополнено въ подлинникѣ (ст. 44). Правильно ли поймемъ мы пророчество, когда, въ соотвѣтствіе показанному образу пророчественнаго созерцанія, будемъ представлять себѣ возникающія одно за другимъ царства и существующими совокупно до самаго открытія царства Божія, которое начнетъ дѣло низложенія враждебныхъ царствъ съ послѣдняго изъ нихъ и потомъ разсѣетъ ихъ всѣ вдругъ? Очевидно невѣрно будетъ такое толкованіе: оно опровергается самыми событіями. Напр. Вавилонское царство — эта, по прямому изъясненію Даніила, золотая глава тѣла — изчезло за сколько времени до явленія въ мірѣ царства, сущаго не отъ міра сего! Да и въ самомъ текстѣ есть указаніе на преемство царствъ, не только по своему появленію, но и по паденію: *и послѣди тебе*, т. е. Вавилонскаго царя, *востанетъ* и проч. (ст. 39).

Слѣд., когда представляются въ пророчествѣ всѣ провидѣнныя враждебныя царства разрушаемыми вдругъ силою открывшагося Божія царства: это означаетъ не то, что, уже съ открытіемъ этого

послѣдняго царства, падутъ всѣ прочія царства, но только то, что они будутъ низлагаемы *силою грядущаго за ними вѣчнаго царства*, между тѣмъ низложеніе ихъ, какъ и возникновеніе, будетъ преемственное—одного за другимъ (*). Нужно только изъяснить пророческое представленіе, повидимому не довольно точное. Низложеніе и паденіе каждаго изъ этихъ царствъ составляетъ единое торжество надъ ними царства Божія, имѣвшаго открыться за ними на землѣ. Отсюда произошло это пророчественное представленіе гибели совокупно всѣхъ составовъ символическаго тѣла отъ одного удара таинственнаго камня; оно выражаетъ самое существо дѣла. Пророческое же истолкованіе соннаго видѣнія слѣдовало порядку и образу самаго сновидѣнія.

И такъ, сообразно съ пророческою точкою зрѣнія на предметъ и съ образомъ пророчественнаго представленія, изъясненіе пророчества должно быть таково: указанныя пророчественнымъ откровеніемъ земныя или мірскія царства должны мы разсматривать только въ отношеніи къ ихъ боговраждебности (**) и условливаемой ею несовмѣстности ихъ съ царствомъ Божіимъ, и притомъ, слѣдя преемственное возникновеніе ихъ одно за другимъ, долж-

---

(*) Въ другихъ параллельныхъ сему пророчествахъ Даніила яснѣе высказывается мысль о преемственномъ разрушеніи земныхъ царствъ, какъ увидимъ ниже.

(**) Слѣдовательно на сколько и эти царства имѣли бы какіе либо остатки или начатки добра, на столько они входили бы уже, разумѣется—по предваряющей только благодати, въ составъ грядущаго всемірнаго царства благодати. Такъ впослѣдствіи ап. Павелъ находилъ и указывалъ отсвѣтъ Христовой истины и у Еллиновъ (Дѣян. XVII, 23. 28), хотя Елинское царство было въ числѣ четырехъ низлагаемыхъ Боговраждебныхъ царствъ.

ны указывать и преемственное ихъ низложеніе одного за другимъ силою грядущаго за ними вѣчнаго царства Благодати.

Приступимъ теперь къ подробному объясненію.— *Сей есть сонъ*, сказалъ Пророкъ Навуходоносору, напомнивъ ему его сновидѣніе, *и сказаніе (толкованіе) его рѣчемъ. Ты царю, царь царей, ему же Богъ небесный царство даде крѣпкое и державно и честно. Во всякомъ мѣстѣ, идѣже живутъ сынове человѣчи, и звѣріе польстіи, и птицы небесныя, и рыбы морскія далъ есть въ руку твою, и поставилъ тя властелина всѣмъ* (Дан. гл. 2, ст. 37—38). (Нельзя не припомнить здѣсь подобныхъ словъ о Навуходоносорѣ у Іереміи: XXVII, 6—7; XXVIII, 14). *Ты еси глава златая*: *ты*— это, какъ видно изъ связи рѣчи, не одинъ Навуходоносоръ, а вообще царство Вавилонское. *Златая глава:* названіе, изъясняемое самимъ Пророкомъ о характерѣ, именно обширности и неограниченности деспота Вавилонскаго царства. Неблагопріятность этого царства Божію царству изъясняется отношеніемъ Вавилонской монархіи къ Израилю — наслѣднику обѣтованій и залоговъ Божественнаго царства. Полный смыслъ пророчества, сообразно съ задачею и представленіемъ Пророка, будетъ такой: «*златая глава* видѣннаго тобою тѣла означаетъ твое Вавилонское царство, на сколько оно враждебно Божественному царству;—сказать подробнѣе: —означаетъ тебя—завоевателя Іерусалима, разорителя храма, опустошителя земли обѣтованной, поработителя избраннаго народа,— означаетъ и твоихъ преемниковъ, у которыхъ въ плѣну будутъ оставаться Іудеи—наслѣдники залоговъ и обѣтованій Божественнаго царства,—означаютъ всю твою, не знающую преградъ, силу, и не имѣющую предѣловъ деспотическую власть, те-

перь тяготѣющую надъ вѣрующими. Но и *златая глава*,—по твоему сновидѣнію, также, какъ и все громадное тѣло, должна быть сокрушена таинственнымъ камнемъ, который имѣетъ самъ собою оторгнуться отъ горы. Это значитъ, что и Вавилонская деспотія, безпримѣрная по своей неограниченности и необузданности, падетъ, низложенная силою грядущаго Божественнаго царства, существующаго теперь только въ залогахъ и обѣтованіяхъ плѣнниковъ Вавилонскихъ.»

И послѣди тебе, продолжаетъ Пророкъ раскрывать смыслъ видѣнія Навуходоносора, *возстанетъ царство другое, меньшее тебе, еже есть сребро*. Какое же это царство, слѣдовавшее за ниспроверженіемъ Вавилонскаго? Въ VIII главѣ Даніиловой книги изображено также паденіе земныхъ царствъ, враждебныхъ царству Божію (ст. 23 и слѣд.); Вавилонское царство здѣсь уже не указано, потому что паденіе его уже наступило. За то первое, слѣдующее за нимъ, названо опредѣленно—царство *Мидо-Персидское* (ст. 20). Въ XI главѣ, гдѣ во всей подробности раскрывается будущая судьба неблагопріятныхъ церкви царствъ, указываются также *Персидскіе цари* (ст. 2). Униженіе (сравнительно съ золотомъ—символомъ Вавилонскаго преобладанія надъ Израилемъ) символическая металла, знаменующаго Персидское царство, согласно понятію Пророка и золотой главѣ, нужно изъяснить о характерѣ Персидской деспотіи, уже болѣе Вавилона ограниченной во власти и предѣлахъ. Но царство Мидо-Персидское, положивъ конецъ Вавилонскому, дало свободу Іудеямъ и слѣд. было благодѣтельно для царства Божія? Такъ (*).

(*) Въ отношеніи къ избавленію Іудеевъ отъ плѣна, царство

Тѣмъ не менѣе справедливо можно брать во вниманіе это царство, и какъ враждебное Царству Божію. Въ книгѣ Даніила опредѣленно указано такое его отношеніе къ церкви (X, 13—20). Въ самомъ дѣлѣ, при воцареніи Мидійскаго Дарія, Іудеи были еще у него въ плѣну; при самомъ Кирѣ они только получили свободу возвратиться и строиться въ отечествѣ, но не были достаточно не только снабжены средствами, но и обезопашены отъ недоброжелателей. А главное: народъ избранный—эти граждане Царства Божія—были подданными язычниковъ—царей Персидскихъ. Тогда еще Царство Божіе являлось образно, въ гражданской ѳеократіи, а не въ Ново-Завѣтномъ духѣ; слѣд. зависимость народа Божія отъ языческаго царя была враждебнымъ нарушеніемъ правъ Царства Божія отъ языковъ.

И такъ, по указанію подобныхъ (параллельныхъ) мѣстъ книги и по соображеніи исторіи, точный смыслъ пророчества о второмъ царствѣ долженъ быть таковъ: «съ паденіемъ Вавилонскаго царства возстанетъ другое царство, посягающее на священныя права Царства Божія. Это царство Мидо-Персидское, у котораго также въ зависимости и во многихъ озлобленіяхъ будетъ народъ Божій. Эта деспотія, и внутренно и внѣшно, будетъ ниже Вавилонской: завоеванія Мидо-Персидскія, дѣйствительно, не такъ будутъ быстры и встрѣтятъ пре-

---

Персидское служило уже грядущей благодати, и Киръ, царь Персидскій, освободитель Израиля, у Исаіи представленъ образомъ самаго Христа (см. Ис. XLV гл.). Такъ мы выше и замѣтили, что на сколько то или другое царство выходило бы изъ направленія Боговраждебности, на столько оно подходило бы къ составу и духу грядущаго царства благодати.

граду (отъ Грековъ), и закономъ Мидовъ и Персовъ самъ царь ихъ можетъ быть стѣсняемъ (смотр. VI гл.). Отъ мановенія грядущаго царя Божественнаго царства, и Мидо-Персидское царство падетъ; Всевышній Царь Израилевъ отмститъ за свои права, которыя Онъ имѣетъ запечатлѣть своею кровію».

Царство же третіе, еже есть мѣдь, еже сообладѣетъ всей земли. Въ указанныхъ выше подобныхъ пророчествахъ Даніила (см. глав. VIII и X) слѣдующее за Мидо-Персидскимъ царство названо прямо *Еллинскимъ* (VIII, 21. X, 2—3); враждебное его отношеніе къ Израилю, представителю грядущаго Божія Царства, означено тоже ясно (X, 20—21). За Персидскимъ, дѣйствительно, слѣдовало царство Греческое; Александръ Великій исполнилъ это пророчество: *сообладѣетъ всей земли.* Извѣстенъ и походъ его на Іудею и подчиненіе ему послѣдней Смыслъ пророчества, какъ его раскрываютъ подобныя ему мѣста Св. писанія (параллелизмъ) и исторія, таковъ: «за Мидо-Персидскимъ преобладаніемъ, наслѣдники обѣтованной и правъ вѣчнаго Царства Божія, будутъ рабами Греческаго царства, которое возобладаетъ почти надъ всѣмъ извѣстнымъ міромъ. Но и царство Александра Великаго распадется отъ удара таинственнаго камня—отъ побѣдоносной силы вѣчнаго Царства Израилева.» Еллинское царство представлено подъ образомъ *мѣди*, конечно (судя по прежде-раскрытымъ понятіямъ *золота* и *серебра*)—въ знаменованіе характера этого владычества: Еллинское владычество, дѣйствительно, вообще не имѣло ни неограниченности, ни прочной сосредоточенности Вавилонской и Персидской монархіи. Вольнолюбивые Греки могли возмущаться и противъ Македонскаго героя и

только въ великой личности его было основаніе силы и связи государства.

И царство четвертое, еже будетъ крѣпко аки желѣзо и проч. (ст. 40—43). Въ изъясненіи этого мѣста, толкователи между собою разногласятъ: одни относятъ пророчество къ Сирійско-Египетскому преобладанію надъ Іудеею, другіе къ Римскому царству. Но не останавливаясь на ихъ взаимныхъ прекаиіяхъ, изслѣдуемъ смыслъ пророчества просто, по правиламъ здравой герменевтики.

Вникая въ самое это мѣсто, находимъ, что въ немъ изображается какое-то враждебное церкви владычество или одинъ изъ видовъ мірскаго преобладанія надъ областію церкви: ибо здѣсь обозначается одно *четвертое царство* въ ряду и числѣ преобладающихъ надъ церковію или враждебныхъ церкви мірскихъ царствъ. И слѣдовательно, когда символъ этого четвертаго преобладанія раздѣляется на двѣ части — одну часть изъ одного желѣза — *голени желѣзны*, и другую часть изъ желѣза и глины вмѣстѣ—*ноги и пальцы желѣзно-скудельные*: то этимъ Пророкъ не раздѣляетъ четвертаго царства на два преемственныхъ владычества. Онъ даже не показываетъ двухъ, слѣдующихъ одно за другимъ, видоизмѣненій четвертаго царства, дающихъ ему совершенно различный характеръ въ двухъ разныхъ періодахъ. Пророкъ сначала указываетъ только на упругой и жестокой *характ ръ* этого владычества: «и царство четвертое будетъ жестко какъ желѣзо. Какъ желѣзо разбиваетъ и раздробляетъ все, и оно, подобно всесокрушающему желѣзу, будетъ все раздроблять и сокрушать» (ст. 40). Понятіе *желѣза* указываетъ на характеръ этого преобладанія надъ церковію, какъ выше понятія *золота, сребра, мѣди*. Далѣе, изъ сновидѣнія открываетъ Пророкъ духомъ *составъ* того

же преобладающаго надъ церковію владычества изъ двухъ разныхъ элементовъ—одного болѣе жосткаго и твердаго, другаго болѣе мягкаго и рухлаго,—составъ, сообщающій четвертому царству двоякость, но единовременную и совмѣстную, а не предполагающую двухъ слѣдующихъ одно за другимъ состояній этого царства: «а что ты видѣлъ, ноги и персты частію глиняные, частію желѣзные, это значитъ, что царство будетъ раздѣлено, и частію въ немъ будетъ твердость желѣзная, поелику ты въ смѣси видѣлъ и желѣзо. А персты ногъ частію желѣзные, частію глиняные, означаютъ, что царство сіе будетъ частію крѣпкое, частію рухлое» (ст. 41—42) Наконецъ, обращаетъ Даніилъ вниманіе и на *образъ и способъ связи* двухъ составныхъ элементовъ четвертаго владычества: —«а что ты видѣлъ желѣзо, смѣшавшееся съ земляною глиною, это значитъ, что они войдутъ въ связь посредствомъ сѣмени человѣческаго, но другъ ко другу не будутъ привязаны, такъ какъ желѣзо не смѣшивается съ глиною (ст. 34).» Это значитъ, что связь будетъ такая, что оба составные элементы останутся самостоятельными и между собою несогласными. И такъ, на преемство двухъ, послѣдующихъ одно за другимъ, разныхъ владычествъ или двухъ существенныхъ видоизмѣненій одного и того же владычества нѣтъ и намека въ рѣчи Даніила, и раскрывается только сначала *характеръ*, а потомъ *составъ* и *взаимное отношеніе* двухъ составныхъ элементовъ какого-то Боговраждебнаго владычества, слѣдующаго за Еллинскимъ (Александровымъ) преобладаніемъ.

Для дальнѣйшаго и точнѣйшаго опредѣленія смысла, обратимся къ подобнымъ мѣстамъ самой книги Даніиловой (параллелизму). Тотъ характеръ четвертаго царства, что оно *будетъ крѣпко яко же-*

лъзо, и яко желъзо.... истончитъ и истлитъ вся, вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру четвертаго же царства, по слѣдующему Даніилову видѣнію въ гл. VII (ст. 7.): *созади сего видѣхъ и се звѣрь четвертый страшенъ и ужасенъ, и крѣпокъ изліха, зубы же его желѣзнив еліи, ядый и истончевая, останки же ногами своими попираше*, или по истолкованію этого видѣнія (см. ст. 23): *звѣрь четвертый царство четвертое будетъ на земли, еще превыдетъ всѣ царства и поястъ всю землю, и пожретъ ю, и посѣчетъ*. Равно, что касается состава и взаимнаго соотношенія составныхъ частей четвертаго царства въ пророчествѣ 2-й глав., Пророкъ обращаетъ особенное вниманіе свое и Навуходоносора на персты ногъ символическаго тѣла (см. ст. 42—43). Эти персты или пальцы ногъ (которыхъ въ тѣлѣ естественно десять) въ разсматриваемомъ нами пророчествѣ II-й главы, соотвѣтствуютъ десяти рогамъ или *десяти царей* (см. ст. 24) въ четвертомъ царственномъ звѣрѣ видѣнія VII главы. Окончаніе того и другаго пророческаго видѣнія одно и тоже — открытіе царства вѣчнаго. И такъ, оба эти видѣнія оказываются *однопредметными* (*параллельными*). Но символъ четвертаго звѣря въ VII гл., со всѣми его принадлежностями, именно съ десятью рогами, за которыми слѣдуетъ хульный рогъ — страшный гонитель святыхъ, побѣдитель трехъ царей, — все это буквально исполнилось—въ преобладаніи надъ Израилемъ Птоломеевъ и Селевкидовъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Это уже много свѣта проливаетъ на изъясняемое нами пророчество. — Но продолжимъ соображеніе его съ другими подобными мѣстами въ кн. Даніила. —Характеръ желѣзнаго царства *все истончевать и сокрушать*, представляемый въ разсматриваемомъ нами пророчествѣ II

гл., очевидно приравнивается къ тому, что говорится въ VIII глав. о царѣ, имѣющемъ появиться послѣ Мидо-Персидскаго и Еллинскаго царей, — послѣ распаденія Еллинскаго царства на четыре части: *и державно крѣпость его.... и чудесно растлитъ и управитъ и сотворитъ и растлитъ крѣпкія* и проч. (ст. 24). Но въ этомъ царѣ, по соображенію его обстоятельствъ, указанныхъ въ пророчествѣ, съ исторіею и съ пророчествами VII и XI гл., видѣнъ Сирійскій царь Антіохъ Епифанъ (простиравшій свою власть отъ Сиріи и на Египетъ) — Наконецъ, обратимъ вниманіе на послѣднее подобное (параллельное) пророчество и притомъ подробнѣйшее—въ XI главѣ. Что оно дѣйствительно параллельно пророчеству 2-й гл., также какъ VII и VIII гл , доказательствомъ тому служитъ какъ начальное указаніе въ XI гл. на царства Персидское и Еллинское, которыя прямо указаны въ VIII и не прямо въ VII и въ разсматриваемой нами II (чтò уже выше показано), такъ и окончательное изображеніе—открытія царства вѣчнаго. И кромѣ того параллельность этого пророчества съ разсматриваемымъ нами мѣстомъ о четвертомъ царствѣ—видна во всѣхъ чертахъ. Четвертое, по нашему мѣсту, слѣдуетъ за паденіемъ третьяго, именно Еллинскаго: такъ и въ XI-й гл. за распаденіемъ царства и власти Еллинскаго завоевателя слѣдуетъ новое владычество (см. XI, ст. 3 и слѣд.): *и егда станетъ царство его* (Еллинскаго царя), *сокрушится....исторгнется царство его....и укрѣпится царь южныи* и проч. Желѣзное царство, будучи едино, состоитъ изъ двухъ элементовъ, между собою не совокупимыхъ и разногласныхъ, хотя и смѣшиваемыхъ чрезъ сѣмя человѣческое, т. е. чрезъ супружества: таково во всей подробности оказывается Сироегипетское владычество и преоб-

ладаніе надъ Израилемъ, какое Пророкъ имѣетъ въ виду въ XI гл. послѣ Еллинскаго царства Два властелина въ этой гл. постоянно простираютъ виды на одержаніе другъ друга, не рѣдко одерживаютъ другъ надъ другомъ верхъ, ширятся и утверждаютъ миръ браками, и однако постоянно борятся, простираясь видами и вліяніемъ другъ на друга: точно два элемента, находящіеся въ одной общей средѣ, смѣшивающіеся между собою, но не совмѣстимые какъ глина и желѣзо. Что касается самаго желѣзнаго характера двойственнаго владычества, изображеннаго въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ, — и по пророчеству XI гл. этотъ упругой, жестоко-воинственный характеръ выдерживается постоянно и особенно раскрывается на концѣ—въ послѣднемъ царѣ: *и царь возвысится и возвеличится надъ всякимъ богомъ* (ст. 36). «Только богу мужества (войны) на мѣстѣ его воздастъ честь» (ст. 39).....«Какъ буря пойдетъ....съ колесницами и всадниками и многочисленными кораблями и.... выступитъ изъ береговъ и все потопитъ. И войдетъ въ красу земель и многія области взяты будутъ и разорены»—и проч. (39—41). И такъ нельзя не видѣть параллельности обоихъ пророчествъ, —только одно изъ нихъ довольно общо (во II-й гл.), а другое раскрываетъ будущее во всѣхъ подробностяхъ (въ XI гл.). И въ этомъ послѣднемъ борющіеся властители, стремясь въ области другъ друга или смѣшиваясь между собою, —эти два элемента одной среды, одного спорнаго владычества надъ Израилемъ. —По соображеніи съ Исторіею, открываются до такой очевидности Сирійскими и Египетскими властителями, что не достаетъ имъ только собственныхъ именъ Птоломеевъ и Селевковъ; Египетскій же царь даже опредѣленно указанъ (См. въ еврейск. XI, 8.).

Соображая все сказанное, мы должны убѣдиться, что въ пророчествѣ 2-й гл., ясному указанію подобныхъ (параллельныхъ) мѣстъ въ VII, VIII и особенно XI гл., четвертое двойственное владычество надъ Израилемъ есть владычество Селевкидовъ Сирійскихъ и Птоломеевъ Египетскихъ. Оно при двухъ самостоятельныхъ элементахъ своихъ, представляется единымъ жестокимъ владычествомъ надъ Израилемъ — *четвертымъ царствомъ*. Это потому, что отношенія къ церкви Селевкидовъ и Птоломеевъ составляли, дѣйствительно, одно иго чуждаго преобладанія надъ церковію въ продолженіи извѣстнаго времени. Вѣдь съ пророческой точки зрѣнія имѣются въ виду не внѣшне-политическое значеніе, а враждебность противъ вѣры и церкви земныхъ царствъ (*).

Такимъ образомъ изъ самаго текста и изъ подобныхъ мѣстъ (изъ многосторонняго параллелизма) открывается слѣдующій смыслъ пророчества о четвертомъ царствѣ:

«(Ст. 40:) Съ распаденіемъ Еллинскаго (Александрова) царства, возникнетъ новое владычество, посягающее на собственность Божію — на наслѣдниковъ вѣчнаго царства,—владычество Сирійско-Египетское. Оно будетъ, какъ желѣзо, жестоко и разрушительно для всего, къ чему ни коснется; жестокая и алчная воинственность составляетъ его постоянный характеръ. (ст. 41:) По своему составу оно раздѣляется на двѣ части,—это есть владычество Селевкидовъ и Птоломеевъ. По такому со-

(*) Этимъ объясняется и то, почему два, отдѣльныя во внѣшне-политическомъ отношеніи, царства представлены въ образѣ одного четвертаго царства. Преобладаніе Селевкидовъ и Птоломеевъ надъ Іудеями составляло одно враждебное владычество надъ Божіимъ достояніемъ.

ставу, это владычество въ одной части болѣе жестоко и грозно, а въ другой болѣе уступчиво и за то слабо (ст. 42 и 43). Да и все оно не прочно,—обѣ стороны будутъ имѣть виды одна на другую, будутъ соединяться между собою брачными союзами, но всегда останутся враждебными. Это будетъ послѣднее владычество, враждебное царству Божію—предъ его открытіемъ,—владычество, котораго удѣлъ есть низложеніе и гибель отъ гнѣва вѣчнаго царя, сейчасъ же за тѣмъ грядущаго»...

Такой смыслъ разсматриваемаго пророчества совершенно сообразенъ съ Исторіей, чѣмъ наше толкованіе пророчества подтверждается и еще подробнѣе уясняется.—По распаденіи Александрова царства избранный народъ, дѣйствительно, сейчасъ же подпалъ владычеству Сирійско-Египетскому, переходя постоянно отъ Селевкидовъ къ Птоломеямъ и отъ послѣднихъ снова къ первымъ, судя по успѣхамъ и превосходству тѣхъ или другихъ. Постоянныя кровопролитія, войны, убійства, казни — сопровождаютъ непрерывно взаимную между ними борьбу и представляютъ истинно желѣзный характеръ этого двойственаго владычества, развившійся до крайности въ Антіохѣ Епифанѣ. Раздѣленіе между Египтомъ и Сиріею всегда продолжалось. Селевкиды отличались большими воинскими успѣхами и жестокостію,—для доказательства довольно упомянуть двухъ Антіоховъ—Великаго и Епифана. Птоломеи напротивъ были мягче, любили науки, и сравнительно съ Селевкидами, особенно съ Антіохомъ Епифаномъ, въ которомъ со всею силою выразился желѣзный характеръ, Египетскіе властелины были, дѣйствительно, точно рыхлая глина. Враждебныя стороны неоднократно соединялись или смѣшивались «сѣменемъ человѣческимъ»,

чрезъ супружества Антіоха Теоса съ дочерью Филадельфа, Птоломея Епифана съ дочерью Антіоха Велик., Александра съ дочерью Птоломея Филометора, но оставались всегда во враждѣ, которая разгаралась даже и чрезъ самыя эти супружества. Замѣчательно, что изъ этихъ двухъ соперническихъ династій, Сирійскихъ Селевкидовъ и Птоломеевъ Египетскихъ, именно десять царей послѣ Александра до Антіоха Епифана преобладали надъ Іудеею, —какъ-то: Птоломей Лагъ, Селевкъ Никаторъ, Птоломей Филадельфъ, Антіохъ Теосъ, Птоломей Евергетъ, Селевкъ Каллиникъ, Птоломей Филопаторъ, Антіохъ Велик., Птоломей Епифанъ, Селевкъ Филопаторъ, и слѣдоват. имѣло особое значеніе пророчественное указаніе на самые *персты* тѣла (въ ст. 42 и 43). Вражда противъ церкви дошла до высшей степени ожесточенія при Антіохѣ Епифанѣ, этомъ антихристѣ Ветхо-Завѣтной церкви, котораго по ужасамъ безпримѣрной его тиранніи надъ вѣрующими, Даніилово видѣніе не поставляетъ уже въ ряду другихъ царей, преобладавшихъ надъ церковію (VII, 24). Но пало и это желѣзное владычество видимо отъ оружія и политики Рима, а существенно отъ силы и предварительныхъ распоряженій Христова Царства, которое не умедлило послѣ того благодатнымъ открытіемъ въ мірѣ. И такъ чрезъ оправданіе самою исторіею во всѣхъ частяхъ подтверждается и еще болѣе поясняется представленное нами толкованіе пророчественнаго видѣнія о четвертомъ царствѣ.

Такое толкованіе совершенно оправдывается и точкою зрѣнія пророческаго и образомъ пророческаго представленія. Пророчественное созерцаніе устремлено на враждебныя Царству Божію земныя царства, одно за другимъ возникающія и низлагаемыя силою Божественнаго царства, которое за тѣмъ

и открывается во всей своей силѣ. Если теперь Персидское и Греческое царства выведены на это зрѣлище, не смотря на нѣкоторыя важныя ихъ услуги церкви: то не естественно уже было бы опустить изъ виду владычества Сирійско-Египетскаго, отъ котораго много и жестоко терпѣла церковь. Напротивъ, по этому самому, свойственно выставитъ это враждебное владычество во всей яркости, — какъ то и сдѣлано въ раскрываемомъ нами пророчествѣ. Это тѣмъ болѣе, что по пророческому созерцанію Даніила, Еллинское царство ограничивается владычествомъ одного Александра и за тѣмъ представляется въ кн. Даніила распадшимъ и уступающимъ мѣсто новому преобладанію (см. XI, 2—4 слч. V, 28).

Что касается до образа пророческаго представленія, царства міра сего представлены здѣсь пораженными и распадшимися отъ одного удара камня— не въ томъ смыслѣ, что они имѣли пасть всѣ вдругъ, при явленіи вѣчнаго царства, а въ томъ, что они должны были пасть собственно отъ побѣдносной силы грядущаго Божественнаго царя, а это должно было совершиться послѣдовательно или преемственно. По такому пророческому представленію, самый ударъ камня долженъ означать побѣдоносную силу вѣчнаго царства которая должна была проявиться надъ извѣстными царствами, а не единовременное съ разрушеніемъ сихъ послѣднихъ открытіе власти и силы вѣчнаго царства; Божіе Царство должно было открыться уже за ниспроверженіемъ тѣхъ земныхъ царствъ. Скажутъ: «ударъ таинственнаго камня направленъ именно въ ноги тѣла, слѣд. послѣднее или четвертое царство должно разрушиться отъ непосредственнаго приближенія къ нему Царства Божія, уже по открытіи послѣдняго». Но если бы, отвѣчаемъ, дѣйствительно эта мысль выражена

была символическимъ ударомъ въ ноги, отъ котораго распалось и все тѣло: то необходимо было бы дополнить такую мысль символа тѣмъ замѣчаніемъ, что, тогда какъ четвертое царство должно пасть отъ непосредственнаго прираженія открывшейся державы Божіей, три предыдущія царства разрушаются уже посредствомъ прираженія державы Божіей къ четвертому царству. Вавилонъ, напримѣръ, палъ бы собственно потому, что владычество, слѣдующее за нимъ чрезъ два царства, разрушено открывшимся Божіимъ царствомъ. — Мысль странная и ни съ чѣмъ несообразная. Слѣд. отнюдь не тотъ смыслъ символическаго удара камня въ ноги, будто четвертое царство должно разрушиться уже открывшимся Царствомъ Божіимъ Какой же долженъ быть смыслъ этого символа? Возможенъ уже одинъ, именно такой, который соотвѣтствуетъ общему образу пророческаго представленія, —это смыслъ слѣдующій: четвертое царство, какъ и три прочія низвергается побѣдоносною силою Царства Божія; но только Царство Божіе, низвергнувъ четвертое изъ мірскихъ царствъ, уже и само затѣмъ должно открыться въ мірѣ. По такому толкованію рѣшительно нѣтъ мѣста той нелѣпой мысли, чтобы три предыдущія царства пали собственно отъ разрушенія четвертаго царства открывшимся Царствомъ Божіимъ. А въ тоже время становится совершенно понятно, почему таинственный камень представленъ приразившимся именно къ *ногамъ* символическаго тѣла — къ четвертому царству: точнѣе и выразительнѣе этого нельзя символически представить той мысли, что, тогда какъ три прочія царства, низвергаемыя силою грядущей державы Божіей, уступали свое мѣсто преемственно одно другому, —за разрушеніемъ на противъ четвертаго царства тою же силою грядущей

небесной державы, слѣдуетъ уже самое открытіе этой вѣчной державы.

Скажутъ еще: «въ пророческомъ истолкованіи символическаго видѣнія Навуходоносора сказано прямо о времени открытія царства вѣчнаго—*и во дньхъ царей тѣхъ возставитъ Богъ небесный царство*». Но здѣсь найдемъ не только не опроверженіе, а даже новое доказательство представленнаго нами изъясненія. Не будемъ говорить уже о томъ, что выраженіе: *во дньхъ* такихъ или другихъ, соотвѣтствуетъ чаще употребляемому слову «тогда», которое, даже и въ чисто-историческомъ разсказѣ, даетъ мысль иногда о единовременности, а иногда еще о послѣдованіи за чѣмъ либо извѣстнаго событія (*). Мысль о послѣдовательности за чѣмъ либо событія, часто мы выражаемъ этимъ словомъ «тогда». Но обратимъ вниманіе на слово-выраженіе самаго Пророка, соотвѣтствующее образу его представленія. Сказавъ (въ концѣ XI гл.) о смерти царя сѣвернаго, въ которомъ легко узнать Антіоха Епифана, Пророкъ представляетъ торжественное открытіе Царства Божія, среди тогдашней безмѣрной скорби и говоритъ такъ: *и во время оно возстанетъ Михаилъ князь великій, стоящій о сынѣхъ людей твоихъ: и будетъ время скорби.... и въ то время спасутся люди твои вси* и пр. Слѣдуетъ ли отсюда, что съ гибелію Епифана и должно послѣдовать открытіе «вѣчнаго спасенія? Нѣтъ. Такъ и въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ выраженіе: «въ дни царей тѣхъ», указываетъ на то, что должно послѣдовать уже за паденіемъ этихъ

(*) Примѣры словоупотребленія: *во дни оны*, или тогда въ смыслѣ не одновременности, а послѣдовательности, см. въ Еванг. Матѳ. III, 1. IV, 1.

царей и ихъ царствъ. Вникнемъ наконецъ въ самое выраженіе нашего мѣста: *И во днѣхъ царей тѣхъ*. Какихъ царей? Выше указаны четыре слѣдующія одно за другимъ царства, самое настоящее мѣсто читается вполнѣ такъ: «и въ дни царей сихъ Богъ небесный возставитъ царство, которое вѣчно не разрушится, владычество надъ нимъ не перейдетъ къ другому народу. Оно раздробитъ и разрушитъ всѣ сіи царства.» Слѣд. у Пророка идетъ рѣчь о царяхъ «сихъ царствъ», которые выше были представлены. Если теперь словами: *во днѣхъ царей тѣхъ*, выражается мысль о единовременности, и не послѣдовательности, то выйдетъ, что еще при царяхъ не только послѣдняго царства, но и Греческаго, Персидскаго и самаго Навуходоносора откроется Царство Божіе. Еще ли нужно доказательство на то, что это выраженіе: *во днѣхъ царей тѣхъ*, даетъ мысль не о единовременности, а о послѣдовательности?! При очевидной необходимости такого значенія выраженія—*во днѣхъ царей тѣхъ*, остается только изъяснить, почему у Пророка употреблено это кажущееся не точнымъ выраженіе, — и вопросъ касательно его будетъ рѣшенъ окончательно. Пророку нужно было выразить и ту мысль, что за паденіемъ четырехъ извѣстныхъ царствъ откроется Царство Божіе, и ту, что они падутъ отъ побѣдоноснаго дѣйствія Царства Божія, — и изобразить это, притомъ, въ одной общей наглядной картинѣ, соотвѣтственно видѣнію Навуходоносора. Пророкъ дѣлаетъ это такимъ образомъ, что представляетъ слѣдующія одно за другимъ четыре царства и за ними Царство Божіе, низлагающее тѣ четыре царства. По такому образу представленія, Царство Божіе не естественно было изобразить являющимся уже по паденіи четырехъ царствъ: ибо въ такомъ случаѣ какъ же можно

было бы представить Божіе Царство низлагающимъ эти четыре царства? И такъ понятно, почему Пророкъ, говоря именно о послѣдовательности явленія Царства Божія, не могъ иначе выразиться объ этомъ по образу своего представленія, какъ именно такъ: *во дняхъ царей тѣхъ* и проч.

И такъ образъ пророческаго представленія не оспоримо и твердо убѣждаетъ насъ въ томъ, что открытіе царства небеснаго, по смыслу пророчества должно *послѣдовать* уже за ниспроверженіемъ четвертаго желѣзнаго царства силою Царства Божія. Но сколь вѣрно исполнилось это пророчество о четвертомъ царствѣ въ приложеніи своемъ, именно къ Сиро-Египетскому владычеству, столько же оно не можетъ быть приложено ни къ какому другому владычеству или царству. Ибо Сиро-Египетское владычество было послѣднимъ изъ приражавшихся къ таинственному камню и разбитыхъ отъ него языческихъ царствъ, послѣднимъ до открытія *Царства Бога небеснаго.*

Послѣ такого изслѣдованія о четвертомъ провидѣнномъ царствѣ—и въ текстѣ пророчества, и въ многостороннемъ параллелизмѣ, и по исторіи, и наконецъ по пророческой задачѣ и образу представленія въ разсматриваемомъ пророчествѣ,—вопросъ о немъ мы уже могли бы по всѣмъ правамъ считать рѣшенымъ. Но изъясненіе того же пророчества о Римскомъ царствѣ, какъ вообще у толкователей болѣе обычное и какъ въ особенности имѣющее за себя авторитетъ древне-отеческихъ толкованій, еще останавливаетъ на себѣ наше вниманіе.

Противъ этого толкованія идетъ прямо, во 1-хъ, образъ представленія пророческаго и задача или духъ, намѣреніе этого пророчества. По пророческому представленію открытіе побѣдоносной надъ

четырьмя царствами Державы Божіей слѣдуетъ, какъ мы выше разъяснили, *за вельми ими;* а по толкованію пророчества о Римской имперіи, Держава Божія открывается Римскому *Кесарю единоначальствующу* (по выраженію церковной пѣсни). Къ устраненію этого затрудненія, не можетъ имѣть мѣста мысль, что въ пророчествѣ разумѣется собственно открытіе Державы Божіей въ вѣчной славѣ: ибо въ пророчествѣ говорится о постепенномъ расширеніи таинственнаго камня во всемірную гору,—это не можетъ быть отнесено къ тому открытію Царства Божія, о которомъ говорилъ Спаситель: *яко молнія исходитъ отъ востокъ и является до запада, тако будетъ пришествіе Сына человѣческаго* (Мат. XXIV, 27). По пророческой задачѣ, или съ точки пророческаго созерцанія, имѣются въ виду земныя царства не по чисто политическому своему значенію, а по отношенію къ царству вѣчному, и притомъ отношенію не по времени только, но по неблагопріятности ихъ Божію Царству и отверженію отъ него: между тѣмъ самое первое основаніе толкованія пророчества о Римской имперіи есть то, что это царство равно тремъ предыдущимъ по политическому достоинству, и по сему толкованію Сиро-Египетское владычество, значеніемъ неблагопріятности Царству Божію превосходящее не только Александрово и Мидо-Персидское, но и Вавилонское владычество,—если не вовсе опускается изъ виду, то по крайней мѣрѣ остается совершенно въ тѣни (*), что рѣшительно противорѣчитъ общей

(*) Сиро-Египетское властительство разумѣютъ вмѣстѣ съ Александровымъ подъ третьимъ царствомъ, о которомъ сказано только два - три слова, *еже сподолѣетъ всей земли.* При одной идеи о всемірномъ владычествѣ, за Александровой монархіей и не видно Селевкидовъ и Птоломеевъ, а въ ряду ихъ есть такой

задачѣ и направленію пророчества. Во 2-хъ, это толкованіе имѣетъ противъ себя и исторію. Царство Божественнаго камня, отторгнутаго отъ горы, по свидѣтельству исторіи, явилось и распространилось во всемірную гору—или, что̀ тоже, Христіанская церковь открылась, распространилась и утвердилась во всемъ мірѣ при существованіи и большею частію въ предѣлахъ почти—всемірной Римской имперіи; по пророчеству же напротивъ, уже съ паденіемъ послѣдней должно и открыться и распространиться въ мірѣ Царство Божіе,—ибо камень, уже ниспровергнувъ символическое тѣло, сталъ шириться во всемірную гору. Римская имперія не только не разрушена Царствомъ Божіимъ, но напротивъ, уже въ глубокорастлѣнномъ и разстроенномъ состояніи своемъ, оживилась духовною силою водворившагося въ ея нѣдрахъ Царства Божія, такъ что могла еще существовать даже много долѣе, нежели сколько времени прошло отъ самой колыбели Рима до Христа (около 700 лѣтъ прошло отъ построенія Рима до Христа, а Константинополь—новое средоточіе Римской державы взятъ уже во второмъ тысячелѣтіи отъ Рождества Христова). Совсѣмъ не таково, по пророчеству, отношеніе Божественнаго царства къ четвертому царству, такъ же какъ и къ прочимъ тремъ: *истлитъ и развѣетъ всѣ царства*. Наконецъ, по исторіи, паденіе Римской имперіи нельзя соединить ни съ первымъ пришествіемъ Спасителя,—это очевидно изъ сей часъ упомянутаго продолженія и даже возобновленія имперіи силою небеснаго царства;—ни со вторымъ пришествіемъ или съ открытіемъ царства славы,—ибо уже новыя земныя царства заступили

врагъ церкви (Антіохъ Епифанъ), котораго справедливо представляютъ *антихристомъ* Ветхаго завѣта.

мѣсто падшей Римской имперіи. Говорить о продолженіи Римскаго царства въ новыхъ державахъ—по законамъ, по праву и т. под.—значитъ не изъяснять и изъясненіемъ упрощать пророчества, но придавать ему самый натянутый смыслъ и тѣмъ запутывать пророчество. Не говоримъ уже о раздѣленіи четвертаго царства на двѣ составныя части, еще до явленія камня, о смѣшеніи этихъ частей сѣменемъ человѣческимъ: какіе же до Христа были въ Римскомъ владычествѣ два элемента, соединяемые брачными союзами?—Изъясненіе о Римскомъ царствѣ опровергается, въ 3-хъ, подобными или параллельными пророчествами книги Даніиловой не только потому, что эти послѣднія открываютъ въ четвертомъ царствѣ, какъ мы видѣли уже, именно Сиро-Египетское владычество, но еще прямѣе и потому, что царство соотвѣтствующее нашему третьему, въ книгѣ Даніила, опредѣленно ограничивается владычествомъ одного Еллинскаго всемірнаго завоевателя (Александра Великаго), послѣ котораго оно расподается (см. XI, 4.) (*). — Въ 4-хъ, самый текстъ пророчества о четвертомъ царствѣ не соотвѣтствуетъ толкованію о Римской имперіи. Текстъ пророчества о четвертомъ царствѣ таковъ, что здѣсь говорится объ одномъ владычествѣ, только разсматриваемомъ въ разныхъ отношеніяхъ — сначала по преобладающему его характеру, потомъ по составу и взаимному отношенію составныхъ частей. Изъяснители же наши, не допукающіе послѣдовательности событій тамъ, гдѣ она есть и ука-

(*) *Сокрушится* прямое указаніе на рѣшительное паденіе. *Раздѣлится... исторгнется. . и другимъ отдается*: эти понятія тождественны съ пророчествомъ Даніила о Вавилонскомъ царствѣ: — *раздѣлися царство твое и дадеся Мидомъ и Персомъ* (V, 28).

зана у Пророка, — на этотъ разъ предполагаютъ, будто въ пророчествѣ раскрываются послѣдовательно идущія судьбы четвертаго царства. Въ текстѣ нѣтъ ни черты въ основаніе этого предположенія. Вотъ на пр. послѣдовательность царствъ Пророкъ прямо показываетъ въ своемъ истолкованіи пророческаго видѣнія: *ты єси глава златая и послѣди тебе востанетъ царство другое* и т. д. По, говоря о четвертомъ царствѣ, Пророкъ показываетъ сначала, каково оно, далѣе изъ какихъ частей состоитъ оно и что происходитъ въ его внутреннемъ составѣ; въ самомъ сновидѣніи мысль о качествѣ или характерѣ царства выражена въ одномъ символѣ *(желѣзныя голени)*, потомъ мысль о составѣ царства, какъ совершенно различная отъ прежней, необходимо требовала другаго символа *(ноги скудельно-желѣзныя)*. Безъ основанія и нужды предполагать мысль, какой текстъ не даетъ, не позволяетъ герменевтика. Это вообще! Въ частности въ текстѣ пророчества говорится о раздѣленіи царства на два составные элемента и о происходящей отъ того двойственности самаго состоянія царства: по толкованію о Римскомъ царствѣ, принимается раздѣленіе этого царства на двѣ половины, Восточную и Западную, но приписывается этому царству частію крѣпость, частію слабость не вслѣдствіе этого раздѣленія, но вообще вслѣдствіе состава изъ множества разнородныхъ народовъ и царствъ — въ противоположность тексту. Еще: по прямому указанію текста, отношеніе четвертаго царства къ вѣчному одно, что оно несовмѣстно съ этимъ послѣднимъ и разрушается отъ него, а по толкованію Римская имперія представляется въ двухъ отношеніяхъ къ Царству Божію, именно послѣднее сначала появится и распространится, не разрушая имперіи, и потомъ уже, съ

паденіемъ имперіи, откроется въ вѣчной славѣ. — Въ изъясненіи пророчества о Римской имперіи опираются на словахъ текста: *истончитъ и истнитъ вся*, будто бы хорошо идущихъ къ Римскому царству и несовмѣстныхъ съ Сиро-Египетскимъ царствомъ. Полно такъ ли? Такой разрушительный характеръ, чтобы все сокрушать и истончевать подобно желѣзу, характеризуетъ со всѣмъ не Римскую политику, которая отличалась именно соблюденіемъ въ неприкосновенности обычаевъ, правъ, боговъ у покоряемыхъ народовъ и тѣмъ самымъ—не менѣе, чѣмъ оружіемъ, достигала всемірнаго владычества. Наконецъ, это толкованіе должно пасть и отъ внутренней несообразности съ существомъ дѣла. Взоръ Пророка устремленъ собственно на Царство Бога небеснаго или церковь и на то отношеніе этого царства къ земнымъ, несовмѣстнымъ съ нимъ царствомъ, что послѣднія низлагаются побѣдоносною его силою. По свойству Ветхо-Завѣтнаго времени, представителемъ грядущаго Царства Бога небеснаго былъ Израиль, а потому враждебныя Израилю царства являются несовмѣстными съ Царствомъ Божіимъ. Сообразно ли съ этимъ то, чтобы между несовмѣстными съ Царствомъ Божіимъ земными царствами указано было такое царство, при которомъ самъ Израиль сталъ уже во враждебное отношеніе къ Царству Божію и которое, въ отношеніи къ Израилю, не на права Божественныя посягало (подобно царствамъ Вавилонскому, Персидскому и пр.), на противъ было собственно орудіемъ низлагающей этотъ, уже Боговраждебный, народъ силы Царства Божія? Въ эпоху Римской имперіи и открытія Царства Божія или Христіанской церкви, побѣдоносная низлагающая сила этого вѣчнаго царства проявилась именно надъ Израилемъ, и Римскую имперію, при всемъ первоначальномъ противленіи ея,

успѣла пріусвоить себѣ и возродить. Слѣд., по существу дѣла, въ эту эпоху долженъ бы подлежать пророческому взору самъ Израиль, какъ народъ Христоборный и потому низлагаемый вѣчнымъ царствомъ, или разбиваемый таинственнымъ камнемъ, а не Римская имперія. — Надѣюсь, что это ясно для разсуждающихъ.

И такъ, сколь твердо представленное выше изъясненіе четвертаго царства о Сиро-Египетскомъ владычествѣ, столь неумѣстно само по себѣ, наиболѣе обычное, изъясненіе сего о Римской имперіи.

Но древнее толкованіе? Но отцы и учители церкви, которые держались именно послѣдняго изъясненія,—каковы: Іеронимъ, Августинъ, Ѳеодоритъ и Св. Епифаній?—Вотъ отвѣтъ на подобное возраженіе. Истина едина и, конечно, себѣ противорѣчить не можетъ. Священный авторитетъ блаженныхъ учителей и Св. Отцевъ есть истина, и слѣд. не можетъ вести насъ къ принятію того, что̀ оказывается несостоятельнымъ предъ строгою и точною истиною. Изъясненіе же нѣкоторыхъ учителей и Отцевъ церкви о Римской имперіи, какъ и соединенная съ нимъ мысль нѣкоторыхъ о продолженіи Римской имперіи до послѣднихъ временъ, есть не вѣчная Божественная истина, исповѣдуемая отцами и преданная отъ нихъ церкви: ибо и они не выдавали за Божественный догматъ своего изъясненія, и оно не показываетъ въ себѣ признаковъ такой истины. Это, слѣд., есть только частное отеческое мнѣніе, которое можетъ быть принято и не принято, судя по тому, оправдается ли оно или не оправдается истиною. Так. об., не соглашаясь съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ церковныхъ учителей, не выдержавшихъ испытанія строгой и точной истины, мы и неколеблемъ въ себѣ благоговѣйнаго уваженія къ ав-

торитету Св. Отцевъ, и совѣсти своей не смущаемъ, и послѣдуемъ истинѣ. Совсѣмъ иное вышло бы, когда бы для усвоенія простому мнѣнію значенія истины, допустили мы въ изъясненіи или насиліе или не искренность: тогда бы и истины мы не достигли бы, и были бы недобросовѣстны, да и уваженіе къ Св. Отцамъ показали бы въ одной мертвой буквѣ, а въ духѣ унизили бы ихъ, найдя въ ложно понятомъ нами авторитетѣ руководителей истины преграду къ истинѣ (*).

Теперь затруднительное дѣло о четвертомъ царствѣ пророчества изслѣдовано, сколько возможно, полно. Четвертымъ царствомъ не оспоримо оказывается Сиро-Египетское владычество. На желѣзный, разрушительный характеръ этого владычества обращается прежде всего, и притомъ особенное вниманіе: это потому, что наиболѣе по сему самому характеру—и важно Сиро-Египетское властительство въ томъ отношеніи, въ какомъ берутся во вниманіе провидѣнныя царства. Съ направленіемъ все

(*) Мнѣніе древнихъ учителей о Римской имперіи утвердилось случайностію, современными имъ обстоятельствами. Первый оспоритель подлинности и Божественности книги Даніила Порфирій, утверждая, что она не пророческая, а историческая, появившаяся въ Маккавейскія времена, опирался главн. обр. на точныхъ пророчествахъ Даніила о періодѣ Селевкидовъ и Птоломеевъ. Древніе учители въ борьбѣ съ язычникомъ, представляли ему, что смыслъ настоящаго пророчества иной, что оно относится не къ Сиро-Египетскому, а къ Римскому царству,—такъ именно толковали блаженные Іеронимъ и Ѳеодоритъ. И такъ источникъ этого мнѣнія—прекрасный и достойный Блажен. учителей,—именно ревность за истину и божественность Даніиловыхъ пророчествъ, но въ тоже время случайный и временный—борьба противъ ученаго Порфирія. Впрочемъ и изъ древнихъ иные высказывали согласное съ нами толкованіе, какъ Полихроній.

сокрушать и стирать подобно желѣзу, Селевкиды и Птоломеи сильно озлобляли Израиля и слѣд. были особенно враждебны для грядущаго Царства Божія.—Потомъ, раскрывается двойственный составъ Сиро-Египетскаго владычества, значеніе и взаимное отношеніе составныхъ его элементовъ: это потому, что, по двойственности состава этого владычества, Израиль и былъ въ зависимости то отъ однихъ—Селевкидовъ, то отъ другихъ-Птоломеевъ, а иногда долженъ былъ удовлетворять тиранническимъ требованіямъ тѣхъ и другихъ (при Антигонѣ и др.); значеніемъ и взаимною борьбою Египта и Сиріи и условливалась такая или другая участь Израиля. Въ этихъ собственно отношеніяхъ и имѣется у Пророка въ виду Сиро-Египетское владычество. Подробное изложеніе смысла сего пророчества и соображеніе его съ исторіей, или событіями, въ которыхъ оно исполнилось,—уже выше сдѣлано нами.

Указавъ на идущія одно за другимъ четыре царства и на судьбы ихъ, Пророкъ возводитъ мысль Навуходоносора, при поддержкѣ его вниманія и духовнаго созерцанія образнымъ его сновидѣніемъ, къ важнѣйшему и существенному въ этомъ пророчественномъ откровеніи,—къ тому, въ чемъ сходятся и разрѣшаются судьбы всѣхъ четырехъ царствъ,—къ низлагающему ихъ Царству Божію. Оно грядетъ въ слѣдъ за нимъ: *и во дняхъ царей тѣхъ возставитъ Богъ небесный царство.* Содержащуюся здѣсь мысль, именно о послѣдованіи за вышеупомянутыми Царствами царства Бога небеснаго, такъ же какъ и значеніе *царей*, о дняхъ которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, уже мы имѣли прежде необходимость раскрыть изъ этихъ словъ. Какъ бы такъ было сказано, когда исполнятся дни царей упомянутыхъ

выше царствъ (*). Богъ небесный откроетъ свое Царство, т. е. Царство Божіе и небесное (**). Это царство, продолжаетъ Даніилъ свою истолковательную пророческую рѣчь къ Владыкѣ Вавилона, имѣетъ совершенно-другой характеръ, значеніе и судьбу, нежели мірскія царства, о которыхъ до селѣ было говорено. Оно, во первыхъ, есть не гибнущее и не преходящее царство, не подлежащее необходимой судьбѣ всего видимаго—имѣть конецъ *еже вовѣки не разсыплется*. Самая усиленность выраженія показываетъ именно то строгое его значеніе, какое указано нами. Далѣе, Царство Бога небеснаго не примѣняемо, не подлежащее условіямъ міра внѣшне-политическаго: *и царство Его людемъ инымъ не останется*. Измѣненіе династій, преемственность царей и царствъ—это существенныя и необходимыя условія міра политическаго. Царство Божіе и небесное, продолжаетъ Пророкъ, даже не только несовмѣстно съ такими царствами, о которыхъ доселѣ была рѣчь, которыя ему противоборны, но побѣдоносно на всѣми ими; оно-то собственно должно низложить всѣ эти царства, начиная отъ твоего, повелитель, Вавилона! *истлитъ и развѣетъ вся царства* (***).

Словомъ, говоритъ Пророкъ, это царство *не отъ міра сего* временнаго; истинная его область есть вѣчность: *тое же станетъ во вѣки*.

Довольно одного изложенія пророчества, чтобы съ очевидностію видѣть, что Царство Бога небес-

---

(*) Въ Вулгатѣ прямѣе: in diebus regnorum illorum тоже у Θеодотіона.

(**) Ибо не безъ причины и значенія сказано Пророкомъ не просто *Богъ*, но *Богъ небесный*.

(***) Въ Евр. дополнено: „сіи“ col—lren malchatha. Тоже и въ Вульгатѣ: „reg haec“.

наго, здѣсь представляемое, есть отнюдь не какое либо земное, хотя бы самое обширное и великое царство—(какъ напр. вопреки голосу всѣхъ толкователей, и внутреннимъ признакамъ истины, Гроцій разумѣетъ здѣсь имперію Римскую),—и не царство общаго промышленія Божія (ибо еще *возставитъ Богъ небесный* оное царство), а Божіе и небесное Царство, открывшееся во Христѣ, царство Его благодати истины, сосредоточивающее въ себѣ всю силу и Божественнаго промышленія, а свою силу раскрывающее во всѣхъ земныхъ царствахъ или чрезъ низложеніе враждебныхъ изъ нихъ или чрезъ водвореніе свое въ благопокорныхъ и вѣрующихъ. Объ этомъ Царствѣ и о Божественномъ его царѣ, при самомъ благовѣщеніи пресв. Дѣвѣ Маріи изречено Ангеломъ: *и воцарится... во вѣки и царству его не будетъ конца* (Лук. 1, 33).

Впрочемъ, нѣтъ и нужды доказывать, что и по пророчествамъ Ветхо-Завѣтнымъ, и по Ново-Завѣтному ученію, и по свидѣтельству Исторіи — собственно Царство Божіе во Христѣ, и оно едино, имѣетъ тѣ свойства, значеніе и судьбу, какія указаны Даніиломъ. Совсѣмъ иной вопросъ: царство ли благодати собственно здѣсь разумѣется или царство славы? Отцы и учители церкви, въ рѣшеніи этого вопроса, расходятся. Св. Іустинъ муч. (dial. cum triph.), Св. Кипріанъ (Lib II, contr jud. c. XV. II.), Блаж. Іеронимъ и Августинъ относятъ пророчество къ первому пришествію Христа, и Св. Ириней (Lib. V. cap. 26), Бл. Ѳеодоритъ (comm.), Тертулліанъ (Lib. II, contr. jud. cap. XIV), Оригенъ и пр. — ко второму. Вникая въ текстъ и параллелизмъ книги Даніиловой, найдемъ, что разумѣется здѣсь царство благодати, имѣющее наконецъ раскрыться въ вѣчной славѣ; и так. обр. не разногласятъ, а собственно одни другихъ до-

полняютъ, Св. Отцы и Учители церкви. Что у Пророка идетъ рѣчь точно о явленіи царства благодати, или о первомъ пришествіи Спасителя, доказательства тому: — 1) прямое указаніе на время явленія сего Царства Божія, время полноты дней — четырехъ извѣстныхъ царствъ, т. е. такое время, когда одно за другимъ появятся и изчезнутъ эти царства. Это можетъ идти только къ царству благодати: ибо царство славы откроется въ исполненіи или полнотѣ всѣхъ временъ, въ кончину всего міра, а не четырехъ опредѣленныхъ царствъ. 2) Таинственный камень въ видѣніи представленъ такимъ, который появился сначала малою частію, какъ камень, — отторгнутою отъ горы, а потомъ возрастаетъ и самъ въ гору и наполняетъ собою землю: *отторжеся камень отъ горы безъ рукъ... камень же, поразивый тѣло, бысть гора велика и наполни всю землю* (ст. 34 и 35). Это опять можетъ имѣть приложеніе только къ явленію и постепенному распространенію царства благодати, а не къ торжественному открытію съ быстротою молніи всей безпредѣльной полноты царства славы, — о чемъ уже имѣли мы случай говорить. Но съ другой стороны, безконечность, непремѣняемость, вышемірная и побѣдоносная надъ міромъ сила, область вѣчности, будучи существенными свойствами и принадлежностями царства благодати, раскроется вполнѣ и торжественно не иначе, какъ съ переходомъ царства благодати въ царство славы. Поэтому изслѣдуемое нами пророчество о Царствѣ Бога небеснаго, представляющее указанныя свойства этого царства въ полномъ ихъ раскрытіи, нельзя ограничивать однимъ царствомъ благодати, а необходимо относить и къ царству славы. Это рѣшительно подтверждается подобными (параллельными) пророчествами Даніиловой книги. Такъ въ

VII глав., гдѣ подъ символами четырехъ звѣрей повторяется откровеніе о символическомъ четырехъ-составномъ тѣлѣ сновидѣнія Навуходоносора съ полнѣйшимъ только раскрытіемъ предмета (*), за явленіемъ четвертаго звѣря представляется и явленіе Сына человѣческаго, превозносимаго надъ всѣмъ міромъ, и потомъ зрѣлище страшнаго суда (ст. 13. 22). Тоже въ пророчествѣ XI и XII гл., уже во всей подробности раскрывающемъ судьбы тѣхъ же четырехъ царствъ, за гибелію послѣдняго гонителя святыхъ—царя сѣвернаго, представляется картина воскресенія мертвыхъ и вѣчной жизни (XII, 2. 3.). Так. обр. Пророкъ, указывая Навуходоносору на грядущее за четырьмя извѣстными царствами небесное и Божіе, царство благодати, углубляетъ въ него взоръ свой и созерцаетъ его не только *являющимся* въ извѣстное время на землѣ: *во днѣхъ царей тѣхъ возставитъ Богъ небесный царство*, но и раскрывающимся въ славу своей безконечности: *еже во вѣки не разсыплется*, своей непремѣняемости: *и царство его людемъ инѣмъ не останется*, своего рѣшительнаго всемірнаго торжества: *истритъ и развѣетъ всѣ царства*, — словомъ, своей вышемірной и незыблемой вѣчности: *тое же станетъ во вѣки*. Царство благодати въ себѣ самомъ сокровенно, носитъ уже грядущую славу. Поэтому, Пророкъ отъ перваго пришествія Христова въ одинъ моментъ, и даже безраздѣльно отъ этого перваго пришествія, восхитился духомъ и ко второму. Въ этомъ нѣтъ скачка: ибо только нужно духовное углубленіе въ тайну благодати, чтобы возвыситься и къ созерцанію ея славы.

(*) Это ясно видно изъ сличенія сихъ откровеній и признается всѣми толкователями.

Между тѣмъ, отъ такого мысленнаго созерцанія грядущаго небеснаго царства не только являющимся на землѣ во времени, но раскрывающимся и въ вѣчную свою славу, необходимо получаетъ новый свѣтъ и новое выраженіе пророчество о самыхъ четырехъ предшествующихъ царствахъ. Какимъ обр. и какое новое выраженіе? Если четыре извѣстныя земныя владычества получили мѣсто въ пророческомъ зрѣлищѣ собственно не по своему внѣшнеполитическому значенію, а *по отношенію* къ Царству Божію: то съ другой стороны и самое Царство Божіе, не только въ своемъ явленіи, во времени, но и въ вѣчной славѣ, раскрывается у Пророка по отношенію къ тѣмъ четыремъ царствамъ: *истлитъ и развѣетъ всѣ царства* «сіи.» Вѣчная же слава Царства Божія есть торжество не только надъ «сими» четырьмя, несовмѣстными съ нимъ или враждебными ему, царствами міра сего, но и надъ всѣмъ враждебнымъ міромъ. (Само собою разумѣется, что съ новозавѣтной точки зрѣнія, это есть торжество собственно не надъ «плотію и кровію», не надъ внѣшнимъ составомъ царствъ или всего міра, но надъ ихъ Боговраждебнымъ духомъ и началами). Слѣд. четыре царства «сіи», въ отношеніи *къ вѣчной славѣ* Божіяго Царства, берутся Пророкомъ какъ представители всего враждебнаго Христову царству міра, — всѣхъ мятежныхъ противъ Христа царствъ и языковъ, имѣющихъ быть за то низложенными подъ ноги Вѣчнаго Царя, до самаго послѣдняго изъ нихъ—царства антихристова. Это самое замѣтили и выразили въ своемъ переводѣ 70 толковниковъ, сказавъ вообще: *истлитъ и развѣетъ всѣ царства* (съ опущеніемъ находящагося въ подлинникѣ опредѣленія, какія это царства: «сіи» (jsta), что̀ есть и въ древнихъ переводахъ Вулгатѣ и Сирскомъ, какъ выше было ска-

зано) (*). Так. обр. въ видѣніи Навуходоносора, по истолкованію Даніила, открыта судьба всего міра, обоснованная на грядущемъ Божіемъ царствѣ.

Якоже видѣлъ еси, продолжаетъ Пророкъ, связывая свое истолкованіе съ видѣніемъ Царя: *отсѣчеся отъ горы камень безъ рукъ, и сокруши глину, желѣзо, мѣдь, сребро, злато*... При соображеніи пророческаго истолкованія съ сновидѣніемъ Навуходоносора, къ чему располагаетъ самъ Пророкъ, не можемъ не примѣтить, что имъ разъяснена самая сущность символическаго откровенія, а подробности его не раскрыты въ своемъ значеніи. Такъ на пр., разширеніе и возрастаніе камня въ гору, занявшую собою наконецъ всю землю,—выражаетъ уже понятную, по изъясненіи значенія камня, мысль, которая однакожъ не высказана въ пророческомъ истолкованіи. Слѣд. намъ остается еще обратить вниманіе на подробности видѣнія таинственнаго камня и изъяснить ихъ, при руководствѣ общаго пророческаго истолкованія. Символъ камня, употребленный въ означеніе Царства Божія во Христѣ, не можетъ не напомнить намъ многочисленныхъ, ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ, выраженій о Христѣ — какъ о камени, сокрушающемъ противящихся, а изъ вѣрующихъ основывающемъ зданіе вселенской церкви (см. Иса. 8, 14. У него же 28, 16. Псал. 117, 22. Еф. 2, 20. 1. Кор. 3, 11. и др.). Правда, у Даніила камень принимается повидимому въ значеніи самаго

(*) Можетъ быть, тоже прозрѣвали нѣкоторые Еврейскіе раввины, разумѣя подъ четвертымъ царствомъ знаменательное царство Гога, указанное у Іезекіиля (Aben—Esra, Saadia, Salomo, Kimchi ad Zach c. 6).

царства; но вообще царство Пророкъ представляетъ здѣсь именно въ ихъ царяхъ: *ты царю . . . глава златая. И послѣди тебе возстанетъ царство другое . . . . третіе . . . . четвертое . . . . И во днѣхъ царей тѣхъ.* Значитъ, что и царство благодати и славы Божіей, Пророкъ созерцаетъ также въ его Царѣ—во Христѣ. Отсюда, отторженіе камня должно означать явленіе Христа въ мірѣ для основанія и открытія Своего Божественнаго царства, имѣющаго распространиться во всемъ мірѣ, или Боговоплощеніе. Поэтому и отторженіе камня отъ горы безъ рукъ человѣческихъ, должно означать воплощеніе выше-естественное, Божественное, или безсѣменное отъ Духа Св. и Маріи Дѣвы, какъ показало событіе. Гора, отъ которой отторженъ камень, принимается нѣкоторыми: 1) за самое Божеское естество, но здѣсь рѣчь не о предвѣчномъ рожденіи, — другими 2) за человѣческое естество, отъ котораго произошелъ Христосъ по плоти, иными 3) разумѣется здѣсь Ветхо-Завѣтная церковь, изъ нѣдръ которой изникъ Спаситель, наконецъ иными 4) Пресвятая Дѣва Марія, отъ которой родился Христосъ; три послѣднія изъясненія не только одно другому не противорѣчатъ, но и одно съ другимъ необходимо соединяются. Общая мысль этого символа та, что Христосъ воплотился и произошелъ изъ избраннѣйшей въ человѣческомъ родѣ, бывшей цвѣтомъ всей Ветхо-Завѣтной церкви —Дѣвы Маріи. Камень, отторженный отъ этой святой горы, приражается къ чудовищному тѣлу и сокрушаетъ его: это совершилось въ царствѣ благодати такъ, что Божественный Камень — Христосъ человѣколюбиво явился Агнцемъ, вземлющимъ Боговраждебные грѣхи міра и умеръ за вины грѣшныхъ людей и народовъ какъ-бы самъ виноватый, *да* собственною *смертію*

упразднитъ имущаго державу смерти, сирѣчь діавола, а съ нимъ и всю его державу съ Боговраждебными царствами (Евр. II, 14). Камень возрастаетъ во всемірную гору. Это значитъ, что Христосъ, воспринимаемый въ сердца вѣрующихъ въ духѣ и силѣ своего спасительнаго человѣколюбія, чрезъ это раскрываетъ священнотайнѣ изъ себя, благодатное тѣло церкви Вселенской, эту «*полноту Его, исполняющаго всяческая во всѣхъ*» (Ефес.). Это Царство Бога небеснаго—безконечное, не измѣняемое, надъ всѣми врагами побѣдоносное, имѣющее своею областію—вѣчность. Раздробленіе камнемъ составныхъ частей видѣннаго тѣла изображается также знаменательно: *сотрошася вкупѣ скудель, желѣзо, мѣдь* и пр. *и бысть яко прахъ... и взятъ я премногій вѣтръ, и мѣсто необрѣтеся имъ* (35). Подоб. обр. въ 67 Псал. изображается гибель всего враждебнаго Богу предъ открывшеюся его славою во Христѣ, какъ видно изъ содержанія этого Псалма: *да воскреснетъ Богъ* и пр. (ст. 2 и 3.).

Такъ по духовному недоумѣнію Навуходоносора, представителя и вождя языковъ, о томъ *чесому подобаетъ быти по сихъ*,—непосредственно дается ему, а въ лицѣ его всему языческому міру, и Пророкомъ изъясняется такое откровеніе, что спустя четыре неблагопріятныя для церкви царства, начиная съ Вавилонскаго, откроется держава Божія во Христѣ, низлагающая все враждебное и простирающаяся въ безпредѣльность и вѣчность. На глубокій вопросъ данъ прямой Божественный отвѣтъ, котораго глубина и подробности должны раскрываться тысячелѣтіями событій и даже вѣч-

ностію, но который могъ быть на столько понятенъ для Навуходоносора, сколько нужно для просвѣщенія духовнаго его невѣдѣнія и недоумѣнія. То, въ чемъ спасеніе и внѣ чего гибель, ясно для него указано; ясно же указано и то, по какому пути—спасенія или гибели—идетъ Вавилонъ и вообще языческій современный и послѣдующій міръ. Словомъ: *Богъ великій возвѣсти царю, имъ же подобаетъ быти по сихъ*, какъ заключаетъ Пророкъ истолкованіе таинственнаго видѣнія. *И истиненъ сонъ и вѣрно видѣніе!* И великій царь, котораго душа чрезъ напоминаніе внутренней его тайны, забытой имъ самимъ, уже была открыта для пріятія вѣрою пророческаго истолкованія,—подвигся во всей духовной своей глубинѣ отъ этого великаго откровенія: *тогда царь Навуходоносоръ, паде на лице и поклонися Даніилу.* Правда, онъ и въ такомъ своемъ состояніи не вовсе пересталъ быть язычникомъ, такъ что человѣку воздаетъ подобающее единому Богу: *и рече дары и благовонія возлѣяти ему*—Даніилу. Но ясно, и съ силою выражаетъ онъ вѣру въ открывшуюся для его духовныхъ очей державу Всевышняго, вѣру въ предуказанное ему Царство Бога небеснаго: *и отвѣщавъ царь, рече* Даніилу: *по истинѣ Богъ вашъ, той есть Богъ боговъ и Господь господей и царь царей* (слѣд. признаетъ и царство Его, о которомъ только что была пророческая рѣчь). — При чемъ даетъ примѣтить и основаніе своей вѣры: *Царь царей, открываяй тайны, понеже возмогль еси открыти тайну сію.*—Извѣстно, что тутъ же и

возведенъ былъ Пророкъ Даніилъ на степень высшаго государственнаго сановника. Само собою разумѣется, что на сколько въ Навуходоносорѣ нашлось живой и дѣятельной вѣры въ откровеніе, данное ему, на столько въ его лицѣ уже предначиналось призваніе языковъ къ грядущему Христу и его царству.

Вотъ какъ Господь, предначиная призываніе языковъ къ своей благодати, просвѣщаетъ языческое невѣдѣніе и недоумѣніе! И язычникъ не закрылъ своихъ очей для этого свѣта... Впрочемъ, при настоящемъ случаѣ напомянуто было язычнику объ истинномъ Богѣ, но не раскрыты еще безусловныя обязанности людей предъ нимъ; указано на грядущую благодать, но ясно не показано, въ чемъ она будетъ состоять. Посему Навуходоносоръ, хотя и исповѣдовалъ Бога небеснаго *царемъ царей*, все же человѣку воздаетъ честь Божескую, какъ выше замѣчено нами. Слѣдовательно, въ немъ еще могли быть и были языческія ложныя понятія и недоразумѣнія, хотя ему и дано было это великое, раскрытое нами выше, откровеніе и пріято имъ съ вѣрою. Это открываетъ нужду для язычника въ новомъ Бого-откровеніи или Богоявленіи, которое должно быть направлено противъ еще остающейся въ немъ языческой тьмы. Этотъ другой Божественный пріемъ и способъ къ просвѣщенію невѣдѣнія языческаго совершился слѣдующимъ образомъ.

—

Съ разсѣяніемъ мрака духовнаго недоумѣнія откровеніемъ и вѣрою, у царя Вавилонскаго естественно должно быть легче и свѣтлѣе на душѣ, нежели прежде: ибо хотя Вавилонскому царству изреченъ приговоръ гибели, но вѣра, хотя и не совсѣмъ чистая, должна была приводить душу въ нѣкоторое, если не общеніе, то хоть только предощущеніе животворнаго царства Бога небеснаго. Однако, въ этомъ добромъ и не мало просвѣтленномъ состояніи духа, въ царѣ не замедлилъ сгуститься мракъ языческаго нечестія, и снова покрыть его душу. Какъ же это случилось? Если Навуходоносоръ искренно увѣровалъ въ данное ему откровеніе (что ясно видно изъ книги Даніила): то послѣдующее за тѣмъ устроеніе золотой статуи и назначеніе языческаго религіознаго пиршества нельзя ни чѣмъ инымъ изъяснить, какъ тѣми языческими понятіями, что у каждаго народа есть свой особый богъ. И потому царь и искренно, изъ глубины души исповѣдовалъ истиннаго Бога Израилева, и благоговѣлъ еще предъ своимъ божествомъ. Оживленныя и освѣженныя откровеніемъ религіозныя потребности естественно располагали его къ религіознымъ учрежденіямъ и торжествамъ, сообразнымъ, конечно, съ его понятіями. Такимъ-то обр. языческія идеи изъ глубины души, гдѣ затаились онѣ, и должны были выплыть наружу—въ дѣла.

Царь воздвигаетъ огромную золотую статую на полѣ Деирѣ. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, чтобы это былъ истуканъ, представляю-

щій самаго царя: ибо самъ же Навуходоносоръ, говоря объ этой статуѣ, указываетъ въ ней идола не своей личности, но своего бога (III, 13). Но вѣроятно мнѣніе другихъ, которые сооруженіе золотой статуи поставляютъ въ связи съ сновидѣніемъ о *златой главѣ*, служащей символомъ Вавилонскаго царя: Навуходоносоръ, можетъ быть, хотѣлъ выразить предъ своимъ національнымъ божествомъ радость о своемъ превосходствѣ не только надъ современными, но и надъ послѣдующими царствами земными. Нельзя не примѣтить обнаруженія въ этомъ смѣшенныхъ его понятій — и остатковъ вѣры въ откровеніе и подавляющаго вѣру языческаго суевѣрія. И такъ, царь учреждаетъ всенародное торжество открытія золотой статуи въ честь своего національнаго бога. Всѣ вельможи и сановники, вся толпа представителей разныхъ народовъ должны были повергнуться предъ статуей, при звукахъ музыки не только Вавилонской, но и далекихъ, греческихъ странъ (*). Разженная печь грозила казнію непокорнымъ.

Должно здѣсь замѣтить, что въ царѣ открываются не просто оставшіяся языческія понятія, но и понятія такія, изъ которыхъ видно крайнее извращеніе самаго язычества. Законъ и основаніе язычества уже не только не увлеченіе, но и не преданіе или навыкъ, а просто произволъ деспота. Промыслъ изводитъ наружу всю осязаемую тьму современ-

(*) Это послѣднее видно изъ явно-греческихъ названій, въ самомъ подлинникѣ, нѣкоторыхъ музыкальныхъ инструментовъ.

наго язычества, чтобы потомъ глубже проникъ душу язычника свѣтъ Божественной истины.

Три Іудея, товарищи и помощники Даніила, поставленные уже въ государственные чиновники,—рѣшительно отрекаются отъ идолопоклонства, вѣрные Богу небесному (*). Трогается так. обр. другая могучая пружина своенравнаго язычества—неограниченный ни чѣмъ, и ничего выше себя не знающій произволъ деспота. Богъ *ихъ*—этихъ взысканныхъ царскою милостію плѣнниковъ, признанъ и исповѣданъ царемъ, и они пренебрегаютъ и повелѣніе царево и божество царево!! *Навуходоносоръ въ ярости и гнѣвѣ рече привести Седраха, Мисаха и Авденаго.* Но, видно, и при горделивомъ гнѣвѣ не совсѣмъ еще померкъ лучъ истины и добра въ душѣ царя Вавилонскаго: разъяренный деспотъ готовъ еще простить рабовъ Бога небеснаго, если только они хотя теперь будутъ покорны царю,—поклонятся его богу. Съ другой стороны, и сущая въ немъ языческая ложь, отъ противоборства становится тѣмъ напряженнѣе и, въ соединеніи съ неограниченнымъ произволомъ восточнаго деспотизма, тѣмъ горделивѣе. *Кто есть Богъ, иже изметъ вы изъ руки моея?*—такъ высказывается при семъ, выше небесъ восходящее, самовластіе и гордыня деспота. Еще ли потерпитъ онъ

(*) Даніила въ настоящемъ случаѣ не видно или за его отсутствіемъ изъ Вавилона или за болѣзнію. Но изъ Даніилова описанія этого случая очевидно, что онъ всею душею раздѣляетъ съ своими друзьями вѣрность Богу Израилеву.

какое возраженіе! —Не смотря на то, святые мужи рѣшительно и твердо исповѣдуютъ свою непоколебимую вѣру и вѣрность истинному Богу: *есть Богъ нашъ на небесѣхъ. ему же мы служимъ...богомъ (же) твоимъ не служимъ и тълу златому, еже поставилъ еси, не кланяемся.*

И такъ, исповѣдники открыто являются предъ царемъ рабами Бога небеснаго и слѣд. гражданами того грядущаго царства, о которомъ онъ получилъ предъ симъ откровеніе. Но не отрѣшась отъ современныхъ языческихъ понятій о божествѣ, гордый, грозный владыка впдѣлъ въ трехъ Іудеяхъ только противленіе своей волѣ. и сталъ прямо во враждебное отношеніе къ предуказанной ему прежде благодати, по истинѣ самъ *не вѣдая, что творитъ. Тогда Навуходоносоръ исполнися ярости и зракъ лица его измѣнися....и рече: разжите пещь седмерицею...оковавше Сидраха, Мисаха и Авденаго, вверзите въ пещь огнемъ горящую....* Приказаніе взбѣшеннаго деспота было исполнено. Эта была минута, въ которую Отецъ небесный благоволилъ новымъ свѣтомъ озарить сколько преступное, столько и жалкое невѣдѣніе язычника! —Вѣра Іудейскихъ юношей въ спасающую любовь и благодать Божію, въ эту страшную минуту ни мало не колебалась предъ пылающею пещію, и потому должна быть на самой высшей степени подвига и силы; —и благодать Божія торжественно предъявлялась въ ихъ даже видимомъ спасеніи къ славѣ своей предъ языками....*Разливашеся пламень надъ пещію на лактей четыредесять девять. И обыде и пожре,*

иже окрестъ пещи Халдейскія. Ангелъ же Господень сниде купно съ сущими съ Азаріею въ пещь и отрясе пламень огненный отъ пещи, и сотвори среднее пещи яко духъ росы шумящь: и не прикоснуся ихъ отнюдь огнь, и не оскорби, ниже стужи имъ.

Такое свѣтоносное зрѣлище безусловной вѣры въ Бога и благодати Божіей, открывшейся для вѣры въ самой силѣ и дѣйствіи, — обличая и разсѣвая самыя закоренѣлыя идеи, и самыя сильныя пружины язычества, — прежде всего сильно потрясаетъ душу язычника. «Тутъ царь Навуходоносоръ, какъ сказано въ Еврейскомъ подлинникѣ (ст. 91), изумился и въ замѣшательствѣ всталъ и сказалъ своимъ совѣтникамъ: не троихъ ли мы бросили въ огонь связанныхъ.....» Потомъ, онъ уже благосознательно, хотя и съ изумленіемъ, исповѣдуетъ чудесное явленіе: *е азъ вижду мужи четыре разрѣшенны, и ходящи среди огня, и истлѣнія нѣсть въ нихъ.* Наконецъ, открытымъ вѣрою очамъ его сердца видна становится сама грядущая благодать, которая и движетъ его душу и, въ самой существенной тайнѣ своей, исповѣдывается отъ него: *и зракъ четвертаго подобенъ Сыну Божію.* Такъ язычникъ доведенъ до сознанія и исповѣданія того, въ чемъ именно состоитъ благодать, еще прежде ему указанная, но прежде въ тайнѣ своего существа ему не открытая! — Безъ сомнѣнія, уже Новозавѣтному времени принадлежитъ со всею точностію понять и опредѣлить, что открыто Навуходоносору и имъ ощущено и выражено. Для него

довольно, чтобы, хотя гадательно, примѣтить и исповѣдывать въ человѣкообразномъ представителѣ грядущей благодати *зракъ* Сына Божія: *и зракъ четвертаго подобенъ Сыну Божію;* а намъ въ этомъ же самомъ свойственно уже съ точностію уразумѣть предъявленіе между самыми языками тайны вочеловѣченія Сына Божія. Ибо въ *человѣческомъ* именно образѣ признанный, *Сынъ Божій* есть прямо Богочеловѣкъ. Подобно и въ другихъ мѣстахъ Ветхаго завѣта является Ангелъ въ видѣ человѣка, но съ значеніемъ лица Божественнаго (наприм. Агари), и потому также предуказываетъ въ себѣ грядущаго Богочеловѣка.

Послѣ такого откровенія Навуходоносоръ въ исповѣдникахъ признаетъ уже не своихъ рабовъ или подданныхъ, но Божіихъ, и слѣдовательно гражданъ грядущаго Божія Царства: *и рече... раби Бога вышняго... изыдите.* Благословляетъ Бога— и признаетъ долгъ вѣры въ Него безусловнымъ,— такъ что на этотъ разъ жертвуетъ этому долгу и своимъ деспотизмомъ: *Благословенъ Богъ... иже... изъя отроки своя, яко уповаша на него: и слово царево премѣниша* и проч. И даже самъ, не стѣсняясь никакими политическими расчетами и религіозными понятіями, исполняетъ долгъ вѣры, въ безусловномъ его значеніи, именно заповѣдуетъ языческому міру своихъ подданныхъ благоговѣніе къ единому истинному Богу: *и азъ заповѣдаю заповѣдь: вси людіе, племя, языкъ, аще речетъ хулу на Бога Мисахова,* и проч. *въ пагубу да будутъ: понеже: нѣсть Бога другаго, иже избавитъ сице.*

Такъ представитель и владыка языческаго міра возведенъ явленіемъ благодати и славы Божіей къ сознанію и исполненію безусловнаго долга вѣры и къ пожертвованію истинной вѣрѣ, языческими понятіями (чего прежде ему не доставало)! —Кромѣ того, предыдущее откровеніе въ настоящемъ случаѣ не только дополнено новымъ, потребнымъ для дальнѣйшаго просвѣщенія языческаго невѣдѣнія, откровеніемъ, но еще подтверждено и оправдано въ собственныхъ своихъ чертахъ. Ибо грядущее непреложное царство, животворное для вѣры и низлагающее Боговраждебность, явилось именно въ этой самой силѣ и дѣйствія, когда одно и тоже пламя орошало чадъ грядущаго царства и попаляло служителей Халдейскаго, враждебнаго церкви, царства.

Такимъ-то обр. внѣшнее преобладаніе языческой тьмы надъ вѣрою и благодатнымъ свѣтомъ—превратилось во всемірное и побѣдоносное явленіе вѣры; и торжество благодати, которое выразительно и прекрасно изображено еще Ветхо-завѣтною церковію въ хвалебной пѣсни отроковъ (*), и которое ежедневно созерцается и воспѣвается Ново-завѣтною церковію, какъ *тогда убо образуемое, нынѣ же дѣйствуемое*.

Апостолъ въ краткомъ очеркѣ великихъ въ Ветхомъ завѣтѣ явленій вѣры и дѣйствій грядущей

(*) Нѣкоторые замѣчаютъ даже какъ бы скачекъ въ Еврейскомъ текстѣ тамъ, гдѣ недостаетъ этой пѣсни,—именно Розенмиллеръ.

благодати — указываетъ и на настоящее великое явленіе: *вѣрою угасиша силу огненную* (Евр. XII). Предъявленіе благодати между языками, въ настоящемъ случаѣ, примѣчено и засвидѣтельствовано св. отцами. Такъ св. Ипполитъ на слова Навуходоносора: *зракъ четвертаго подобенъ сыну Божію*, замѣчаетъ: «скажи мнѣ, Навуходоносоръ, когда ты видѣлъ сына Божія, что исповѣдуешь Его сыномъ Божіимъ? Кто подвигъ смягчить твое сердце, чтобы ты изрекъ такое слово? Какими очами могъ ты созерцать такой свѣтъ?... Такъ какъ писано, что сердце царево въ рукѣ Божіей, то эта самая Божія рука, о которой сказано, подвигла сердце его, чтобы онъ узналъ Его въ пещи и прославилъ... Такъ какъ сыны Израилевы имѣли не вѣровать, увидѣвъ сына Божія въ мірѣ: то писаніе и предуказало, что языки потщатся признать того во плоти, котораго древле Навуходоносоръ видя еще не воплощеннымъ, призналъ и исповѣдовалъ сыномъ Божіимъ.» Здѣсь св. отецъ другими словами высказываетъ слѣдующее значеніе разсматриваемаго событія: Навуходоносоръ удостоился особеннаго Божественнаго вразумленія, какъ вождь языковъ, и настоящее откровеніе благодати есть предварительное ея дѣйствіе касательно вообще призванія языковъ. Другій древній учитель (Евдоксій) говоритъ о Навуходоносорѣ: «онъ назвалъ сына Божія не по совершенному вѣдѣнію, какъ иной подумалъ бы, ибо и Апостолы, прежде воскресенія Христова, этого во всей точности неразумѣли, но, именовавъ сына Божія, выра-

жалъ примѣненіе.... «Тоже сказать другими словами: назвалъ такъ еще гадательно. Наконецъ еще одинъ изъ древнихъ (Аполлинарій) говоритъ о явившемся въ пещи Ангелѣ: этотъ Ангелъ долженъ быть представляемъ нами образомъ сына Божія», и пр. (Видитъ этотъ учитель здѣсь предуказаніе даже снисшествія Христова во адъ) (*). И такъ выше представленное изъясненіе этого событія, основанное на самомъ существѣ и обстоятельствахъ его, въ общемъ и существенномъ своемъ значеніи подтверждается Апостоломъ, а въ частностяхъ подтверждается авторитетомъ древнихъ отцевъ и учителей церкви и голосомъ церкви, раздающимся каждодневно въ Богослуженіи (**).

—

Доселѣ откровенія и дѣйствія Божіи направлялись главнымъ обр. къ просвѣщенію духовнаго недоразумѣнія и невѣдѣнія языческаго, — какъ и дѣйствительно нужно сначала узнать истину, чтобы потомъ слѣдовать ей. Теперь потребно склонить язычника, сколько возможно, къ практической покорности и послѣдованію открытой ему истинѣ. Десница Божія, въ семъ случаѣ, беретъ для своихъ дѣйствій того же Навуходоносора

(*) Всѣ мѣста изъ учителей церкви взяты изъ книги „Maji: sriptorum veterum nova collectio".

(**) Въ 7 и 8 ирмосахъ каноновъ Богослужебныхъ.

Въ обоихъ выше раскрытыхъ нами случаяхъ не могли мы не замѣтить въ царѣ Вавилонскомъ той преобладающей въ его характерѣ черты, что его самовластіе и произволъ не знали рѣшительно никакихъ предѣловъ; ни чувство человѣчества его не смягчало (что̀ въ первомъ случаѣ видно), ни религія его не смиряла (въ послѣднемъ случаѣ). Въ этомъ отражалась не личная только особенность Навуходоносора, но характеръ вообще языческой современности. Когда языческіе призраки божества уже не успѣвали вполнѣ скрыть свою ничтожностьотъ обольщенныхъ ими, по крайней мѣрѣ, отъ проницательнѣйшихъ изъ нихъ: то земные представители Всевышней власти естественно уже не видѣли и не чувствовали никого выше себя. Какое же возможно тутъ чувство человѣчества, или сила религіи? Такъ было въ преобладающихъ. Но отсюда необходимо слѣдуетъ рабство и паденіе духа въ преобладаемыхъ; такъ какъ въ подкрѣпленіе ихъ не оставалось не только мысли о человѣческомъ своемъ достоинствѣ, которое попрано, но и чувства горней власти, которая опредѣлялась для нихъ также произволомъ деспота. Навуходоносоръ, по своему личному величію, по необыкновенной силѣ своей духовной природы, только вполнѣ выразилъ и раскрылъ такой жалкой характеръ языческой современности. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи онъ опять является истиннымъ представителемъ современныхъ языковъ, и слѣдовательно обращенная къ нему десница Вышняго простирается вообще на языковъ.

Держава небесная, владычественная надъ всѣмъ и все враждебное низлагающая, указана была Навуходоносору и въ откровеніи, и въ самомъ своемъ дѣйствіи. Слѣдовало бы уже смягчиться и смириться гордому и безпощадному характеру деспотизма. Но свойство и существо гордыни таково, что для умягченія ея не достаточно только открытія истины; она можетъ и истину признать, даже трепетать предъ нею, и однако внутренно противиться ей, хотя это бываетъ не всегда сознательно и прямо. Гордыня же Вавилонскаго деспота имѣла столь глубокія основанія въ современныхъ обстоятельствахъ язычества, и столько уже окрѣпла! И такъ, открытая истина встрѣтила въ представителѣ и вождѣ языковъ непокореніе: небесной державы не могъ не признать Навуходоносоръ въ предшествующихъ обстоятельствахъ, но въ духѣ своемъ не чувствовалъ надъ собою власти ея и не смирялся предъ нею. *Ихѯе хотяше, убиваше и ихже хотяше, біяше, и ихже хотяше, возвышаше, и ихже хотяше, той смиряше. И.... вознесеся сердце его и утвердися духъ его еже презорствовати,* — такъ свидѣтельствуетъ о немъ Пророкъ (V, 19. 20). Сердцевѣдцу была ясна эта внутренняя самообожающая гордыня Вавилонскаго царя; и дабы вызвать вовнѣ и врачевать эту страшную духовную язву, онъ устрояетъ слѣдующее. Сначала открывается горделивому деспоту угрожающій ему Божественный судъ. Навуходоносору представляется во снѣ дерево, «касающееся вершиною до небесъ и видимое до краевъ земли»; *листвіе его прекрасно, и плодъ*

его многъ, и пища всѣхъ въ немъ, и подъ нимъ вселяхуся вси звѣрiе дивiи, и въ вѣтвьхъ его живяху (вся) птицы небесныи.... И вотъ, видитъ царь, — сходитъ съ небесъ *бодрый* или неусыпающiй и *святый*, какъ самъ онъ разсказываетъ объ этомъ (см. IV глав.). Чтобы понять это явленiе и понятiе о немъ Навуходоносора, нужно вспомнить Вавилонскую идею, кромѣ Высочайшаго Божества, еще о низшихъ и подчиненныхъ Божественныхъ существахъ, которыя, чрезъ нѣсколько своихъ рядовъ, касались и земли,—бодрствовали надъ нею, посредствовали между ней и небомъ (это такъ называемые Θεοὶ βηλαιοὶ). Эта идея, въ которой виднѣется искра истины, только утратившей свою чистоту (*), — въ Навуходоносорѣ должна быть уже возвышена къ чистой истинѣ предшествующими откровенiями Божественной истины. И такимъ образомъ, ему было удобно видѣть и понять явленiе «неусыпающаго и святаго» служителя Божiя, духовнаго или безплотнаго хранителя земнородныхъ. И вотъ, этотъ *бодрый* и *святый* возглашаетъ въ видѣнiи Навуходоносора: «срубите это дерево, обрубите вѣтьви его..... Но пень на корняхъ его оставьте на землѣ. Пусть онъ въ желѣзныхъ и мѣдныхъ оковахъ на травѣ полевой мокнетъ отъ небесной росы, и съ звѣрями имѣетъ участокъ въ травѣ зелсной. Сердце человѣческое перемѣнится ему, и дастся ему сердце звѣрское пока пройдутъ надъ нимъ

(*) Ближайшiе служители Божества представляются сами божествами, хотя они только благодатно обожены.

седмь годовъ (ст. 13, IV гл.). Сіе опредѣленіе, продолжаетъ Неусыпающій и Святый Вѣстникъ, дано по приговору недремлющихъ, сего требуетъ воля святыхъ (14 ст.)».... Истина здѣсь опять выражается сообразно съ показаннымъ представленіемъ Вавилонянъ, и опять выражается во всей своей точности и чистотѣ. Это та же истина, которая изображается въ началѣ книги Іова — въ зрѣлищѣ духовнаго міра, или въ книгѣ Царствъ — въ видѣніи Пророка Михея: Всевышній открываетъ свою волю въ духовномъ мірѣ, и какъ это міръ существъ разумныхъ и свободныхъ, то благіе духи свободно и сознательно послѣдуютъ этой волѣ и служатъ ея исполненію, внутренно съ нею согласные, такъ что воля Божественная становится и ихъ волею. И такимъ образомъ, Божественныя опредѣленія начинаютъ осуществляться на землѣ—по согласному «приговору недремлющихъ» небесныхъ силъ, по требованію «воли» всего Святаго Небеснаго міра, одушевляемаго и движимаго мыслію и волею самаго Бога. Такъ, заключаетъ недремлющій и Святый Ангелъ, «сіе опредѣленіе дано по приговору недремлющихъ, сего требуетъ воля святыхъ, чтобы знали живущіе, что царствомъ человѣческимъ управляетъ Всевышній, и даетъ его, кому хочетъ, и поставляетъ на оное смиренныхъ изъ человѣковъ.»—Это сновидѣніе какъ очевидно, отчасти символическое, отчасти прямое! Не опредѣлено только, кто представленъ здѣсь въ символѣ дерево. Даніилъ, къ которому обратился царь съ своимъ сновидѣніемъ, уяснилъ и эту неопредѣленную черту. Смыслъ снови-

дѣнія, раскрытый Пророкомъ, тотъ, что Навуходоносоръ, въ удостовѣреніе свое и своихъ подвластныхъ въ томъ, *яко владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ* и проч., имѣлъ провести семь лѣтъ въ состояніи скотоподобномъ, и послѣ, смирясь, опять царствовать. Откровеніе, очевидно, направлено прямо противъ выше раскрытой нами язвы времени или, что̀ тоже, противъ вполнѣ ее обнявшаго и носившаго характера царя Вавилонскаго—гордаго и безчеловѣчнаго деспотизма, посягающаго и на человѣческое достоинство и на религію подвластныхъ. *Сего ради царю*, прибавляетъ Пророкъ къ истолкованію сновидѣнія, *совѣтъ мой да будетъ тебѣ угоденъ, и грѣхи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогихъ: неили* (можетъ быть) *будетъ долготерпѣливъ грѣхомъ твоимъ Богъ* (ст. 24). То есть, по ходу дѣла какъ бы такъ говоритъ Пророкъ: смягчи свой деспотизмъ чувствомъ человѣчества, или человѣколюбіемъ, — убойся и спѣши заблаговременно умилостивить Бога.

Царь спрашивалъ Даніила, какъ такого мужа, въ которомъ, по его словамъ, *Духъ Божій Святъ*, т. е. спрашивалъ какъ Пророка; слѣдовательно, онъ вѣрилъ ему и призналъ истину его словъ,—вотъ плодъ прежнихъ ему откровеній. Но въ духѣ покорился ли истинѣ? Отвѣтъ на это читаемъ въ продолженіи книги: *Подвоюнадесяти мѣсяцѣхъ въ дому царства своего, въ Вавилонѣ бѣ ходя.... Царь и рече: нѣсть ли сей Вавилонъ великій, егоже азъ соградихъ въ домъ царства, въ держа-*

вь крѣпости моея, въ честь славы моея (ст. 27)... Если бы не было и предварительнаго откровенія Навуходоносору суда Божія, то эта рѣчь уже обличала бы всю глубину его гордыни, все якобы изъ себя и для себя производящей. Но послѣ откровенія—это было уже не что иное, какъ высказать наперекоръ сему откровенію: нѣтъ, не *Вышній владѣетъ царствомъ;* напротивъ, *сей Вавилонъ великій.... азъ соградихъ.... въ державѣ крѣпости моея.* И такимъ образомъ, открылась не просто самообожающая, но открыто-объявляющая мятежъ и противленіе Всевышнему горделивость, хотя, конечно, и самъ Навуходоносоръ не сознавалъ еще такой глубины своего духовнаго паденія въ гордыню. Такъ выведена наружу вся эта демонская внутренняя болѣзнь, отъ которой погибалъ и царь и его почти всемірное царство! И это составляло уже первый пріемъ къ уврачеванію отъ болѣзни.

Другой пріемъ Небеснаго Врача послѣдовалъ непосредственно за первымъ: *еще слову сущу во устьхъ царя, гласъ съ небесе бысть: тебе глаголется, Навуходоносоре царю: царство твое прейде отъ тебе, и отъ человѣкъ отженутъ тя, и со звѣрьми дивіими житіе твое* и проч. (4, 28—29). Судъ, прежде открытый предостерегательно, теперь изрекается къ своему исполненію, и изрекается ощутительно для чувствъ осуждаемаго, какъ и свойственно Ветхозавѣтному времени дознавать все непосредственно. Что же потомъ? *Въ той часъ слово скончался на царь Навуходоносорь, и отъ человѣкъ отпнася, и траву аки волъ*

ядяше, и отъ росы небесныя тѣло его оросися, дондеже власи ему, яко льву, возрастоша, и ногти ему, аки птицамъ (ст. 30). И это должно было продолжаться съ нимъ на семь лѣтъ, *дондеже*, по Божественному глаголу, *онъ увѣсть яко владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ* (ст. 29). И этотъ судъ совершился открыто предъ всѣми *да*, по слову *бодраго и святаго, увѣдятъ вси живущіи, яко владѣетъ Вышній* царствомъ человѣческимъ (ст. 14).

Здѣсь поразительно и достойно размышленія, во 1-хъ, необычайное и зависящее, въ настоящемъ случаѣ, отъ особеннаго мановенія Вышняго раскрытіе способности души, образовать себѣ тѣло по страстямъ преобладающимъ. Естественнымъ и обыкновеннымъ образомъ эта способность въ разныхъ степеняхъ проявляется во всѣхъ насъ, — здѣсь она раскрылась чрезвычайнымъ образомъ, по особенному мановенію свыше (*). Во 2-хъ, настоящій чрезвычайный случай открываетъ тайну, въ нравственномъ мірѣ, состояній духовнаго продолжительнаго

(*) Такъ въ Саррѣ дѣторожденіе было естественное, но раскрылось въ ней, неплодной, творческою волею и силою. Подобнымъ образомъ и въ Навуходоносорѣ безчеловѣчная и нечестивая гордыня уже низлагаетъ духъ съ Богоподобной высоты человѣческаго достоинства и разрываетъ внутреннюю связь горделивца съ человѣками; къ соотвѣтственному видоизмѣненію естественно предрасполагается и склоняется самый тѣлесный организмъ—гордыня и безчеловѣчіе особенно рѣзко клеймятъ человѣка и по внѣшнему виду; — и это тѣлесное предрасположеніе къ звѣрообразности, по непосредственному слову Вышняго, сейчасъ же раскрылось въ Навуходоносорѣ во всей силѣ.

безсознанія, безумія и тому подоб. Не явный ли это знакъ,—говоритъ вопросительно о сихъ состояніяхъ одна изъ отраслей внѣшней мудрости,—что нѣтъ души, живущей особою, духовною жизнію, что вообще, жизнь человѣка есть только высшій видъ физической, животной жизни? Напротивъ, подобное состояніе или даже самая крайняя степень подобнаго состоянія въ Даніиловой книгѣ предст.-вляется путемъ, ведущимъ изъ безумнаго самообожанія гордыни къ смиренному и разумному сознанію Всевышней власти. Слѣдственно и въ такихъ состояніяхъ душа живетъ своею самостоятельною жизнію,—не этою внѣшнею разстроенною физическою жизнію, которую мы видимъ въ безумныхъ съ сожалѣніемъ и ужасомъ, но жизнію нравственною, духовною, сокровенною въ глубинѣ самой души. Слѣдуетъ только взять во вниманіе дѣйствительное продолженіе духовной жизни души при внѣшнемъ безуміи человѣка,—и исправленіе Навуходоносора отъ глубокаго духовнаго поврежденія, произведенное чрезъ скотоподобное его состояніе, будетъ нѣсколько понятно. Возмечтавшая взойти на небо, выше звѣздъ небесныхъ поставить престолъ свой, словомъ,—самообожающая себя душа вдругъ своимъ тѣломъ поставлена въ состояніе, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ силахъ связанное и подавленное. Какъ живое и притомъ нравственное существо, она стремится и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сама могущественнѣе, проявить себя во внѣшней самостоятельной дѣятельности,—и однако своими движеніями производитъ во внѣ только разныя ви-

допзмѣненія разстроенной физической жизни. Какъ получившая нравственное направленіе превозношенія, она порывается и тѣмъ неудержимѣе, чѣмъ крѣпче и выше ея гордыня,—все покорить себѣ и все наполнить собою, и однако—никуда, рѣшительно никуда внѣ себя самой, внѣ своего ничтожества выйти не можетъ..... Прямой выходъ изъ этихъ внутреннихъ, едва ли вообразимыхъ, бореній сокровенной внутри и подавленной отвнѣ жизни души, и особенно души съ рѣзкимъ отпечаткомъ образа Божія, души сильной и еще не ожесточившейся въ своей гордыни,—и есть ощущеніе своего ничтожества,—смиреніе гордыни. Такимъ-то образомъ, наконецъ, *по скончании тѣхъ дней, Навуходоносоръ очи свои на небо воздвигъ, и.... Вышняго благослови, и живущаго вовѣки похвали, и прослави, яко власть Его власть вѣчна, и царство Его въ роды и роды, и вси живущіи на земли ни во что же вмѣнишася. и по волѣ своей творитъ въ силѣ небесней и въ селеніи земнѣмъ: и нѣсть, иже воспротивится руцѣ Его, и речетъ Ему: что сотворилъ еси?* (31 и 32 ст.). Какъ выразительны, и какъ глубоко искренни эти слова самаго Навуходоносора, вышедшаго наконецъ изъ своей двойной духовной темницы—во первыхъ, ужасной темницы скотоподобнаго состоянія, и еще болѣе ужасной темницы—гордости! Онъ теперь *воздвигъ на небо* безпредѣльныя и прекрасныя свои уже чистыя *очи*, и вздохнула свободно его душа....

Конецъ этихъ дивныхъ путей Всеблагаго и Премудраго Владыки и Врача очевиденъ: *въ то время*

умъ мой, говоритъ Навуходоносоръ самъ о себѣ, *возвратися ко мнѣ, и начальницы мои и вельможи мои искаху мене, и въ царствѣ моемъ утвердихся, и величество изобильнѣе приложися мнѣ* (ст. 33). И такъ какъ, по внѣшнему своему положенію и по внутреннему величію своей природы, онъ развилъ и вынесъ въ себѣ болѣзнь вообще современнаго языческаго міра: то здравое его состояніе, въ которомъ тѣмъ свойственнѣе быть ему вождемъ современныхъ языковъ, естественно должно было отозваться во всемъ тогдашнемъ языческомъ мірѣ. Истинно великій теперь царь, оправдавшій особенное призрѣніе къ себѣ Царя Небеснаго, издаетъ всенародный манифестъ, въ которомъ самъ излагаетъ всѣ раскрытыя нами обстоятельства суда Божія надъ нимъ, и самъ же раскрываетъ значеніе этихъ обстоятельствъ, — значеніе, касающееся не одной его личности, но и вообще міра. Это великое слово царя Вавилонскаго ко всѣмъ подданнымъ излилось изъ просвѣтленной уже его души и Пророкомъ помѣщено въ книгѣ во всемъ своемъ составѣ. Начало его таково (III, 98 и сл.): *Навуходоносоръ царь всѣмъ людемъ, племеномъ и языкомъ сущимъ во всей земли... знаменія и чудеса, яже сотвори со мною Богъ Вышній, угодно бысть предо мною возвьстити вамъ, коль великая и крѣпкая: царство Его царство вѣчное, и власть его въ роды и роды....* Конецъ подобной же: *нынѣ убо азъ Навуходоносоръ хвалю, и превозношу, и славлю Царя Небеснаго: яко вся дѣла Его истинна, и путіе Его судьбы, и вся ходящія въ гордости*

можетъ смирити (IV, 34). И такъ страшный деспотъ является уже истиннымъ, откровеннымъ съ дѣтьми, отцемъ; вмѣсто того, что прежде самая религія управлялась его произволомъ, теперь проповѣдуется отъ него всему міру истинный Богъ, вѣчный и всевластный; вмѣсто того, что прежде не было у него никакого вниманія къ людямъ, какъ къ ближнимъ и братьямъ, теперь онъ провозглашаетъ Божественный законъ униженія и низложенія всякаго горделиваго преобладателя. Казалось бы, что и права человѣчества на весь языческій міръ признаются, и истинная религія ему возвращается, и начинается спасеніе языковъ.... На самомъ дѣлѣ тайна благодати, ведущей и противящихся язычниковъ къ покаянному смиренію и спасенію, только какъ молніеносная мысль, предъявилась и пронеслась тогда въ языческомъ мірѣ. Но и этого по тогдашнимъ обстоятельствамъ было очень довольно! И для насъ довольно уяснить, хотя отчасти, великое значеніе этихъ событій, съ внѣшней своей стороны, изъ дѣтства нами перетворенныхъ и обратившихся въ общее мѣсто. Чѣмъ въ то время кончилось это озареніе языковъ, возбужденное могущественными ударами въ душу необычайно сильную, мыслящую и чувствующую за весь міръ языковъ,—видно изъ продолженія пророческой книги.

—

Продолженіе книги показываетъ, что Духъ язычества, при всемъ томъ, что уже начинала обличаться обольстительная его личина, и слѣдовательно началось склоненіе его къ упадку, столь еще былъ силенъ, что и послѣ такого ограниченія и пораженія своего, при первой возможности, возстаетъ съ новою силою,—и тѣмъ убійственнѣе его проявленіе. Не очень долго спустя послѣ раскрытыхъ нами событій, вотъ что происходило въ Вавилонѣ.— Царствовалъ родной внукъ Навуходоносора (*), съ которымъ произошли эти событія, какъ можно примѣтить, уже въ послѣдніе годы его владычества,— чудныя дѣла и откровенія Божіи и всенародное извѣстіе о нихъ Навуходоносора были еще въ свѣжей памяти; — самъ тогдашній царь (Валтасаръ) *вся сія вѣдалъ*, какъ обличалъ его впослѣдствіи Пророкъ (V, 22);—были живы и очевидцы чудесъ, какъ такою является царица (вѣроятно, она была уже мать Валтасара). Но царь отличался только разсѣянностію и развратомъ, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ былъ человѣкъ ничтожный. Ему ли было не только поддержать, но и вмѣстить великую мысль дѣда его, открытую непосредственно отъ Бога и усвоенную имъ чрезъ великія страданія? Напротивъ, Валтасаръ былъ самый удобный и готовый сосудъ къ проявленіямъ только растлѣннаго, падшаго духа времени. И вотъ, на публичномъ царственномъ пиршествѣ, гдѣ съ Вавилонскимъ невоздержаніемъ и безстыдствомъ мужчины и жен-

(*) См. Библейскую Исторію Высокопреосвящ. Филарета.

щины *піяху віно*, славятъ мертвыхъ идоловъ, а объ истинномъ и Живомъ Богѣ никто уже не помнитъ: *піяху віно, и похвалиша боги златыя, и сребряныя, и мѣдяныя, и желѣзныя, и древяныя, и каменныя: а Бога вѣчнаго не благословиша, имущаго власть духа ихъ* (V, 4). Мало того, Валтасаръ приказалъ, при вкушеніи вина, еще принести *сосуды златы и сребряны, яже изнесе Навуходоносоръ.... изъ (Іерусалимскаго) храма Господа Бога..... и принесоша..... и піяху ими царь и вельможи его, и наложницы его, и возлежащія окрестъ его* (2 и 3 ст.). Это уже было не просто забвеніе Господа Бога, котораго чудеса и откровенія были еще такъ недавно, но и глумленіе надъ Нимъ, ругательство надъ властію Его, надъ великими Его чудесами, надъ провозглашеніемъ ихъ Навуходоносора, надъ благоговѣніемъ къ нимъ нѣкогда, и еще такъ недавно, царя и всего царства; — это было упорное противленіе истинѣ. Безумцы выражали своими поступками, что власть и сила Вышняго, приводившая въ трепетъ предшественниковъ, для нихъ ничего не значитъ, и что своихъ боговъ, каковы бы они ни были, не посрамятъ они предъ Всевышнимъ.... И это тогда, когда Іегова сталъ и среди языковъ *ходить* также, какъ еще продолжалъ среди Израиля такое свое, Едемское по началу, хожденіе.... Чего же было ждать на этомъ зрѣлищѣ столь безнадежно-растлѣннаго и бѣснующагося язычества? Іегова не слышно подошелъ къ безумцамъ: *въ той часъ изыдоша персты руки человѣчи, и писаху*

противу лампады на повапленіи стѣны дому царева, и царь видяше персты руки пишущія. И сейчасъ изчезла безъ слѣда безумная храбрость нечестивцевъ противъ Бога Израилева. *Тогда царю зракъ измѣнися, и размышленія его смущаху его, и соузы чресль его разслабляхуся, и колѣна его сражастася....* Всеобщее смятеніе тѣмъ болѣе усиливалось, что *вси мудріи не можаху писанія прочести.* Наконецъ вспомнили, и то по напоминанію постороннему (именно царицы — вѣроятно матери Валтасара), Даніила, обратились къ нему, и услышали отъ него сначала напоминаніе о чудесномъ вразумленіи Навуходоносора, потомъ грозное и вмѣстѣ трогательное обличеніе: *и ты убо, сыне его (*) Валтасаре, не смирилъ сеи сердца твоего предъ Господемъ: не вся ли сія вѣдалъ сеи? но на Господа Бога твоего вознесся сеи.* Наконецъ былъ Даніиломъ прочтенъ и истолкованъ начертанный таинственною рукою приговоръ на Вавилонскую династію и монархію: *раздѣлися царство твое и дадеся Мидомъ и Персомъ.* — И такъ убійственный духъ вѣка, — духъ нечестія и необузданности, лично въ Навуходоносорѣ, и при немъ въ его царствѣ, столь глубоко пораженный, не замедлилъ ожить въ его преемникахъ и раскрылся не только въ идолопоклонствѣ, но еще въ

(*) Валтасаръ могъ быть названъ сыномъ Навуходоносора, хотя былъ, по историческимъ соображеніямъ, развѣ внукомъ его—подобно тому, какъ и позднѣйшіе изъ Іудейскихъ царей назывались сынами Давида

хуленіи и порицаніи истиннаго Бога. И исполнилось пророческое слово: *цѣлихомъ Вавилона и не исцѣлѣ* (Іерем.). Исполнилось предреченіе и другаго Пророка, который Вавилонскаго горделиваго царя созерцалъ убитымъ и поверженнымъ безъ погребенія (Исаі.): эта участь, въ ночь того же нечестиваго пиршества, постигла Валтасара, въ которомъ возносящійся противъ самаго Бога деспотизмъ, пораженный въ Навуходоносорѣ, снова ожилъ и возсталъ съ такою наглостію. Исполнилось и пророческое видѣніе самаго Навуходоносора: Царство Вавилонское пало, низверженное грядущимъ Божественнымъ камнемъ; — отъ лица Бога изшедшіе человѣческіе *персты ручніи* предъявляли царственную десницу Богочеловѣка, который имѣлъ проявить въ себѣ силу и власть *сокрушать* языки, какъ *сосуды скудельничи*.

Относительно вообще языковъ, обстоятельства Валтасара показали, что язычники, даже открытою десницею Божіею руководимые и смиряемые, съ малымъ ея послабленіемъ, сейчасъ предавались своему буйству и возставали противъ Небеснаго Руководителя. Такъ еще сильно было язычество, хотя оно, примѣтно, начало уже отживать свой вѣкъ, вѣкъ неотразимаго обольщенія, простертаго на весь міръ! Но еще хорошо, что Валтасаръ, съ своими клевретами, только по внѣшнему положенію былъ впереди языческаго міра, а внутренно былъ самый ограниченный и односторонній человѣкъ. Въ немъ открылась только одна и именно худшая, сторона того, какъ язычники воспользовались Бого-

даннымъ имъ просвѣщеніемъ и направленіемъ въ судьбахъ и дѣлахъ Навуходоносора. Въ книгѣ Даніила раскрывается и другая, лучшая сторона этого.

—

Въ Мидо-Персидскомъ владычествѣ, заступившемъ мѣсто падшей Вавилонской деспотіи и монархіи, Пророкъ Даніилъ, забытый при Валтасарѣ, получаетъ такую силу, что сначала является однимъ изъ трехъ первыхъ государственныхъ сановниковъ, потомъ беретъ верхъ и надъ самыми главноначальствующими; царь, Дарій Мидійскій, опредѣлилъ поставить его главою надъ всѣмъ царствомъ, *яко Духъ бяше преизобиленъ въ немъ.* Прежнія великія дѣла и откровенія Божіи, которыхъ служителемъ или истолкователемъ являлся Даніилъ, конечно — въ этомъ случаѣ имѣли великое вліяніе на царя: ибо послѣдній смотрѣлъ на Даніила не просто, какъ на государственнаго мужа, но и какъ на вѣрнаго и постояннаго «служителя Бога Живаго» (собственныя слова Дарія). Но духъ современнаго язычества успѣлъ взять постыдную дань и съ этого благорасположеннаго и внимательнаго ко внушеніямъ Божественнымъ властелина. Завистливые къ возвышенію Даніила и желая подкопаться подъ его величіе, вельможи предложили царю, какъ чрезвычайному, по религіи Персидской, представителю Божества, повелѣть во всемъ царствѣ, чтобы въ

теченіе цѣлыхъ тридцати дней никто не прибѣгалъ съ мольбами ни къ какому божеству, а только къ царю. Съ ослабленіемъ и исторженіемъ чувства зависимости отъ Вышней Власти, земной представитель Ея не находилъ въ такомъ льстивомъ предложеніи ничего не сообразнаго... Повелѣніе издано съ угрозою бросить ослушника на снѣденіе львамъ. Разсчетъ завистниковъ былъ вѣренъ: Даніилъ оказался ослушникомъ нечестиваго повелѣнія, — онъ молился единому истинному Богу, Богу Израилеву, обращаясь при этомъ открыто къ сторонѣ Іерусалима (*). Послѣдствія извѣстны. Извѣстно тяжелое затрудненіе царя, когда требовали у него казни Пророка. Затрудненіе, въ которомъ, съ одной стороны, открылась вся смѣтная нелѣпость и осязаемая ложь язычества, а съ другой глубокая увѣренность царя въ достоинствѣ Даніила, какъ служителя Живаго Бога, и, слѣдовательно, начатокъ въ немъ сильной вѣры въ Бога. Владыка, которому одному въ эти дни предоставлена Божеская честь— принимать молитвы и являть Божескія милости или суды, цѣлый день до захожденія солнца спорилъ съ своими вельможами о Даніилѣ, напрасно «выискивая средство спасти его», наконецъ уступилъ непреложности Мидо-Персидскаго закона. Вотъ каково ужъ современное язычество! Не въ состоя-

---

(*) *Дверцы отверсты ему въ горницѣ его противу Іерусалима въ триже времена дне* (времена, вѣроятно, законныхъ жертвоприношеній) *бяше преклоняя колѣна своя моляся и исповѣдаяся предъ Богомъ своимъ, яко же бѣ творяи прежде.* Дан. VI, 10.

нiи будучи защитить праведника отъ зложелателей, царь предавалъ его защитѣ его Бога. «Богъ твой, которому ты служишь постоянно, да спасетъ тебя»— сказалъ онъ Данiилу, когда, противъ всѣхъ усилiй спасти его, повергали его въ львиной ровъ. И за тѣмъ царь отказался отъ вечерней трапезы, и всю ночь не смыкалъ глазъ отъ сильнаго движенiя безпокойства и скорби за служителя Живаго Бога. Такъ глубокъ былъ въ Дарiѣ корень вѣры! И Господь явилъ сколько благоволенiя своему избранному и вѣрному рабу Данiилу,—столько же, можно сказать, снисхожденiя и вниманiя къ надежнымъ начаткамъ вѣры язычника..... «Данiилъ чтитель Бога Живаго.»—Такъ жалобнымъ голосомъ взывалъ Дарiй, рано по утру поспѣшивъ къ львиному рву!— Богъ твой, которому ты служишь постоянно, могъ ли спасти тебя отъ львовъ?» (ст. 20, VI гл.). Вопросъ, въ которомъ слышенъ трепетъ души за сокровище вѣры, отчасти, видно, уже принятое и понятое этою душею! «Тогда Данiилъ сказалъ царю: во вѣки живи, царь! Богъ послалъ Ангела своего и заключилъ пасть львовъ, и они меня не растерзали». (ст. 22). Такъ торжественно оправдана благодатiю вѣра Пророка, и съ тѣмъ вмѣстѣ высоко подъята, еще прежде сильно возбужденная, вѣра языческаго царя! Вѣра послѣдняго, поставленная въ самыхъ начаткахъ своихъ въ такое нечаянное и сильное испытанiе и достигшая такого благодатнаго выхода изъ него, теперь раскрылась вполнѣ и торжествовала спасенiе Пророка, какъ собственную побѣду и спасенiе..... Наказавъ злоумышля-

ющихъ противъ Божія посланника тою же казнію, какую они приготовили послѣднему, владыка языческаго міра, подобно Навуходоносору, исповѣдуетъ предъ всѣмъ подвластнымъ міромъ Державу Божію достопокланяемою отъ всѣхъ, вѣчною и незыблемою, всемощною и спасающею. «Тогда Дарій царь написалъ: всѣмъ народомъ, племеномъ и колѣніямъ, живущимъ по всей землѣ..... мною дается повелѣніе, чтобы во всякой области моего царства трепетали и благоговѣли предъ Богомъ Даніиловымъ... Онъ есть Богъ Живый и вѣчно существующій и царство Его не разрушится, и владычество Его до конца вѣковъ. Онъ спасаетъ и избавляетъ и дѣлаетъ знаменія и чудеса на небесахъ и на землѣ. Онъ Даніила спасъ отъ львовъ» (ст. 25—27). Видно, и язычникъ предощутилъ же своею вѣрою ту небесную благодать, которая предъявилась, въ его очахъ, чрезъ вѣру Даніила, какъ о томъ засвидѣтельствовано Апостоломъ: *вѣрою.... заградиша уста львовъ.*

Вотъ и другая сторона язычества въ отношеніи къ открывшемуся между ними свѣту Божественной истины! Она показываетъ, что Господь не безъ плода давалъ откровенія и чудодѣйствовалъ среди языковъ; нашлись благосознательные, которые унаслѣдовали себѣ, сколько можно, сокровище вѣры. Впрочемъ и изъ послѣднихъ обстоятельствъ ясно, что духъ язычества сильно еще преобладалъ надъ человѣкомъ, что сами собою опутывались сѣтію его и такія души, въ которыхъ уже были положены начатки вѣры, что только чрезвычайными

способами и явленіями могла быть поддержана и упрочена вѣра, тогда какъ человѣческая духовная природа не могла уже и выносить непрерывныхъ напряженій и потрясеній чрезвычайностями, и что, слѣдовательно, еще неблаговременно было вполнѣ открыться вѣрѣ и благодати среди языковъ. Этимъ должно было и окончиться настоящее чрезвычайное дѣло Божіе среди языковъ: ибо продолженіе его было бы уже безцѣльно. Божественная истина просвѣтила, на сколько то было можно, невѣдѣніе языковъ, поставила ихъ дивными способами на свою стезю, противящихся побѣдоносно низложила и благосознательными всемірно исповѣдована. Слѣдовательно, она обозначилась между языками со всѣхъ существенныхъ своихъ сторонъ. И если при томъ не оказалось въ языкахъ достаточной пріемлемости къ полному, совершенному усвоенію и упроченію въ себѣ ея откровеній: то напрасны уже были бы среди нихъ дальнѣйшія чрезвычайныя ея откровенія. Между тѣмъ данныхъ разностороннихъ указаній Божественной истины достаточно было по крайней мѣрѣ для *предварительнаго* приготовленія языковъ къ полному и всецѣлому ея откровенію.

—

Такъ были удовлетворяемы, при служеніи или созерцаніи Пророка Даніила, великія духовныя по-

требности языческаго міра! При предначинавшемся выходѣ языковъ изъ среды обаяній и увлеченій обольстительными призраками, которые они строили для себя изъ самыхъ остатковъ и слѣдовъ первобытнаго Эдемскаго быта, Господь Богъ, сколько для языковъ было можно и нужно, торжественно напомнилъ имъ о своей вѣчной державѣ и о грядущей, спасающей своей благодати. Исторія человѣческаго рода должна свѣтло и ярко обозначить на своихъ скрижаляхъ настоящую эпоху. Почему же, можно спросить, Исторія міра едва замѣчаетъ всѣ разсмотрѣнныя нами событія? Не потому ли, что они относятся къ частной Іудейской исторіи? Напротивъ, это событія всемірныя, какъ мы видѣли — Или по недостатку внутренняго ихъ значенія? Но торжественное, царственное, во всемъ тогдашнемъ политическомъ мірѣ, провозглашеніе ѳеократическихъ истинъ, конечно, не менѣе по своему значенію разнесенія Эллинскихъ идей по востоку Александромъ. —Или исторія, слѣдя послѣдовательное раскрытіе судебъ міра, находитъ настоящія событія не важными по результатамъ, безплоднымъ для міра? Но справедливо ли это? Явленіе и распространеніе христіанства признано уже и внѣшнею мудростію за безпримѣрно великій всемірный переворотъ. Спрашивается: какъ произошелъ этотъ переворотъ?—Какъ растлѣнный языческій міръ могъ освоиться съ христіанскими святыми идеями? Ложь язычества, отвѣчаютъ, дошла до послѣднихъ крайностей, и уже сама отряжала отъ себя человѣка—къ истинѣ хри-

стіанства. Но это только одна сторона дѣла, которая, безъ дополненія другою, ничего необъясняетъ..... Развратный человѣкъ, низпадшій до послѣдней глубины растлѣнія духовнаго, наконецъ открываетъ глаза на убійственную ложь своихъ страстей, и если на этомъ одномъ оставить его,— ему предлежитъ отчаяніе и-гибель. Нужно, чтобы у него еще оставалась нѣкоторая внутренняя бодрость, надежда, чтобы онъ могъ возстать изъ глубины своего паденія. И въ язычествующемъ человѣчествѣ, кромѣ сознанія лживости язычества, было распространено при открытіи христіанства не унынie, а всеобщее ожиданіе чего-то лучшаго. Гдѣ основаніе этого ободряющаго ожиданія, бывшаго первымъ залогомъ спасенія? — Въ первоначальныхъ преданіяхъ народовъ? Но преданія народовъ не только о благодати, столь сокровенно возвѣщаемой вначалѣ, но и вообще о Божествѣ, столь близкомъ вначалѣ къ людямъ, были искажены и извращены до корня баснями язычества (миѳологіей). Не говоримъ уже того, что всеобщее ожиданіе язычества, по свидѣтельству тогдашнихъ историковъ, было обращено къ Востоку и даже прямо къ Іудеи, и чаяло оттуда благодѣтельныхъ завоевателей (*); этого уже нельзя производить отъ первоначальныхъ преданій. —Всеобщее чаяніе лучшаго, говорятъ, произошло отъ разсѣянія всюду Іудеевъ? Справедливо, но опять только съ одной

(*) Флавій, Тацитъ и Светоній свидѣтельствуютъ объ этомъ.

стороны. Іудеи, обыкновенно презираемые (*), да и сами духовно уже упадшіе, и притомъ грядущее спасеніе и блаженство, относящіе собственно къ себѣ, а на языковъ взирающіе,—какъ на свое будущее наслѣдіе и рабовъ,—сами Іудеи, если бы въ нихъ однихъ было дѣло, столько же мало, или развѣ немного болѣе, могли бы сообщить міру свои чаянія, сколько напримѣръ въ настоящія времена имѣютъ вліяніе на міръ тѣ же Іудеи: нѣтъ! Видно самому языческому міру идеи и чаянія Іудеевъ были не совсѣмъ чужды, были знакомы и бывали близки къ сердцу—и это если не по однимъ первоначальнымъ преданіямъ, какъ выше доказано, то слѣдовательно по свѣжимъ сильнымъ напоминаніямъ. Эпоха такихъ напоминаній языческому міру объ истинномъ Богѣ и грядущей Его благодати и представляется у Даніила (**). Слѣдовательно эта эпоха находится во внутренней и существенной связи съ послѣдующимъ всемірнымъ переворотомъ, разграничивающимъ всѣ времена на два великіе и различные отдѣла. Великое обиліе сѣмянъ этого переворота, произведеннаго именно христіанствомъ, было посѣяно въ мірѣ—въ Даніилову эпоху. Мы распространились объ этомъ, чтобы маловни-

---

(*) По свидѣтельству Тацита.

(**) Вмѣстѣ съ его предреченіями, такъ близко и много касающимися языковъ. Какъ государственный сановникъ и особенно начальникъ надъ самими мудрецами Вавилонскими, Даніилъ могъ дѣлиться съ послѣдними всѣмъ, что ему было открываемо свыше.

мательность къ этому исторіи міра не пала нѣкоторою тѣнію на содержаніе пророческой книги.

Изслѣдованіе дѣлъ и откровеній Божіихъ, имѣющихъ такое близкое отношеніе къ языкамъ, заключимъ тѣмъ, что чрезъ эти дѣла и откровенія Іеговы Бога Израилева поразительно давалось и Іудеямъ видѣть власть Всевышняго ихъ Царя, не только ничего не терпящую отъ ихъ плѣна, но, по поводу его, торжественно простирающуюся и на языки. Въ особенности же откровеніе о царствѣ вѣчномъ, грядущемъ за четырьмя земными царствами, явленіе вида Сына Божія въ пещи для спасенія трехъ отроковъ — было для Израиля, въ тогдашнихъ сумракахъ ихъ вѣры и жизни, отраднымъ свѣтомъ грядущей благодати. Но существенныя нужды церкви тѣмъ не вполнѣ еще удовлетворялись. Самыя эти откровенія о грядущей благодати, достаточныя для языковъ, были слишкомъ общи для Іудеевъ; нужнаго разграниченія, хотя разумѣется, только отчасти, между областію спасающей благодати и областію земной ѳеократіи въ данныхъ откровеніяхъ не сдѣлано; опредѣленнаго и яснаго самаго по себѣ руководства на настоящее и послѣдующее темное время не дано. Все это представляется намъ, въ книгѣ Даніила, уже въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

—